

18+

ЛЕДЯНОЙ ПРИГОВОР

АЛЕКСАНДР СКОПИНЦЕВ

МИР, ОПЛАЧЕННЫЙ
КРОВЬЮ ДРУЗЕЙ

Александр Скопинцев

Ледяной приговор. Мир, оплаченный кровью друзей

<https://litres.ru/74274974>

ISBN 9785007067928

Аннотация

Станимир Тверша — воевода. Он чует запах гари за час до беды и видит мир сквозь призму предчувствия смерти. Но против безупречной, лязгающей машины магистра Герхарда фон Крейца одной стали мало. Чтобы спасти Новгород и Ладогу, Станимиру придется не только обнажить меч и освободить Русскую Землю от гнёта захватчиков.

Предупреждение! Книга содержит сцены жестоких средневековых битв и откровенный сексуальный контент. Читая это произведение, вы подтверждаете, что вам исполнилось 18 лет.

Содержание

ГЛАВА 1: ВОРОНЬЁ НАД ПСКОВОМ	5
ГЛАВА 2: БЕЛАЯ КРЕПОСТЬ	19
ГЛАВА 3: ВЕЧЕ	33
ГЛАВА 4: ПЕРВАЯ КРОВЬ НА СНЕГУ	48
ГЛАВА 5: СВЕТЛАН	62
ГЛАВА 6: «ЛАДОЖСКАЯ ЗАПАДНЯ»	78
ГЛАВА 7: «ДО РАССВЕТА»	92
ГЛАВА 8: «ЦЕНА ПОБЕДЫ»	109
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Ледяной приговор Мир, оплаченный кровью друзей

Александр Скопинцев

Иллюстратор Александр Скопинцев

© Александр Скопинцев, 2026

© Александр Скопинцев, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-6792-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда стальной клин Ордена вгрызается в северные земли, а Псков затихает под черным крестом, наступает время «Ледяного приговора».

Станислав Тверша — молодой воевода, чей род отмечен «Волчьим даром». Он чувствует запах гари за час до беды и видит мир сквозь призму предчувствия смерти. Но против безупречной, лязгающей машины магистра Герхарда фон Крейца одной стали мало. Чтобы спасти Новгород и Ладогу, Станиславу придется не только обнажить меч, но и довериться той, чья сила способна сломать хребет захватчикам.

ГЛАВА 1: ВОРОНЬЁ НАД ПСКОВОМ

Вороньё учуяло падаль за вёрсты. Чёрные кляксы медленно кружили под свинцовым, набрякшим влагой брюхом неба — неторопливо, с тяжелой уверенностью хозяев, знающих, что пир никуда не денется. Станимир Тверша провожал стаю неподвижным взглядом. Рука в задубевшей кожаной рукавице сама легла на ледяное навершие меча, пальцы до боли стиснули металл. В нос ударила густая вонь: горькая гарь, ржавчина пролитой крови, стылые нечистоты. Под рёбрами, в самом нутре, глухо заворочался «Волчий дар». Медный привкус осел на корне языка. Кровь. Она здесь была повсюду. Псков захлёбывался ею в предсмертной агонии.

Мороз забирался под кольчугу, колол кожу тысячей игл, будя во внутреннем мраке иной, звериный жар. Последняя ночь в Новгороде помнилась крепко. Спёртый воздух прогретой клетки, душный запах воска и едкий, пьянящий аромат женского пота. Станимир не просто помнил — он заново проживал, как вжимал её в жёсткий медвежий мех, спасаясь от ледяного дыхания войны. В полутьме влажный шлепок тел. Её ногти до кровавых борозд рвали его плечи, а он входил в неё яростно, до хрипа, на грани того предела, где страсть мешается с яростью. Она принимала эту злость,

выгибая мокрую спину дугой, обхватывая его бёдра ногами, требуя ещё — глубже, жёстче. Тугое, жаркое скольжение плоти, сбитый ритм коротких вдохов.

Он улыбнулся, вспоминая, как рывком перевернув её на живот и намотав влажные волосы на кулак, брал её сзади, вбиваясь с безжалостной, размеренной силой. Её стоны захлебнулись в звериной шкуре, превращаясь в утробный рык, а тела покрылись скользкой испариной. Этот первобытный огонь выжигал страх перед завтрашней смертью. Теперь от него остался лишь лёд и бесконечный марш войска.

Двенадцать конных позади месили копытами тяжёлый, липкий снег. Пар из лошадиных ноздрей вырывался плотными клубками и тут же оседал колючим инеем на кольцах доспехов. Слева мерно покачивался в седле конник. Рыжая борода встала колом от намёрзшего льда.

— Стая, — хрипло выдавил Светлан.

Пальцы мальчишки мёртвой хваткой вцепились в поводья, костяшки побелели под кожей перчаток. Подбородок мелко подрагивал.

— Я сроду столько не видывал. Разве что...

Он осёкся под тяжёлым, немигающим взглядом Тверши.

— Разве что — что? — Станимир не обернулся, продолжая сканировать гребень городской стены.

Кадык Светлана дёрнулся.

— Ничего. Дюже много их.

Врата Пскова вынырнули из белёсой мути в третьем часу

пополудни. Западная башня скалилась почерневшими брёвнами. Надвратный стяг не трепетал на ветру — тяжёлое белое сукно с чёрным прямым крестом висело неподвижно, подобно могильной плите.

Двое у ворот. Не ополченцы в засаленных тулупах с кривыми рогатинами. Латы подогнаны вплотную, ни единого зазора для лезвия кинжала. Белые плащи, тяжёлые клинки с дисковидными наконечниками. Идеальная, лязгающая машина Ордена. Фаланга в миниатюре, не знающая сомнений. Станислав натянул поводья. Жеребец всхрапнул, переступая копытами, разбрызгивая серую снежную кашу.

Орденец шагнул вперёд. Серые, вымороженные глаза скользнули по шеренге русичей — оценивая длину копий, толщину брони, исправку и вес кавалерии.

— Цель приезда? — лязгнул чужак по-русски, рубя слово, как топором, без малейшего акцента.

— Посланники новгородского посадника, — Станислав чуть подался вперёд в седле, не убирая ладони с рукояти меча. — К воеводе Добрыне. Нас ждут.

Секунда тишины. Только ветер свистит в узких щелях забрал. Орденец коротко кивнул и отступил.

— Оружие держать в ножнах, — бросил он в спину проезжающим. — В городе порядок.

Псков встретил их трупной тишиной. Люди скользили вдоль обледенелых стен серыми тенями. Взгляды намертво вбиты в землю. У колодца бабка в чёрном платке выронила

бадью при виде белых плащей. Её узловатые пальцы судорожно сложились в щепоть — отгонять нечисть, три к груди, мизинец в сторону. Стражник дёрнул шеей — рука бабки мгновенно исчезла под тряпьем.

Мужик с расквашенным в кровь лицом, сверкая багровым кровоподтёком, волок на горбу дубовые поленья к орденскому посту. Тяжёлый, отборный лес для чужих очагов, пока его собственные дети прятали посиневшие губы в рваные шкуры. Чуть дальше, у коновязи, замер мальчишка лет десяти. Он жадно, приоткрыв рот, пялился на полированные латы рыцаря. Блеск чужой стали заворачивал щенка, вытравливая память о родной крови. Станимир сжал зубы до хруста. Сломанные кости срастутся. Но как вырвать этот щенячий восторг перед палачом из детского нутра?

Восточные ворота дохнули горелым мясом и золой. Пепелище. Обугленные брёвна торчали из сугробов переломанными чёрными рёбрами. Расколотый надвое деревянный идол валялся в грязной жиже. Лицо древнего бога слизал огонь, оставив лишь изрубленные боевыми молотами щепки.

Перчатки Буяна жалобно заскрипели на луке седла. Широкая грудь великана ходила ходуном.

— Велесово место было, — выдохнул он. Метель едва не проглотила его слова. — Я тут три зимы назад требу клал.

Светлан побледнел до синевы губ, отводя глаза от осквернённой земли.

Воевода Добрыня ждал на подворье терема. Без шап-

ки, нараспашку. Ветер трепал седые космы. Лицо — серая, оплывшая маска. Глубокие борозды у рта старили его на пару десятков лет. Станимир спрыгнул на истоптанный снег. Кольчуга тяжело звякнула.

Запах ударил наотмашь. Не свежей смерти, а гнилой, застоявшейся вины тех, кого не сумели защитить. Под распахнутым воротом рубахи Добрыни тускло блеснул чужой крест на серебряной цепи. Ошейник.

— Я ждал, — ровно произнёс воевода. Пустые, мёртвые глаза смотрели сквозь гостей. — Знал, что пришлют. В избу проходите. Расскажу всё. Правду расскажу, а не то, что выслушать охота.

Станимир шагнул вплотную. Дистанция удара кинжалом в горло. Он вглядывался в лицо Добрыни, отыскивая остатки человека под слоем пепла.

— Хорошо, — процедил Станимир, швыряя поводья подскочившему конюху. — Начнём с того, что охота. Остальное кровью запьём.

Горница воеводского терема давила низкими бревенчатыми сводами. В густом, непродыхаемом воздухе едкий дух тлеющих лучин и воскового нагара намертво сплёлся с запахом кислой хлебной закваски. Где-то в глубине дома теплилась остаточная жизнь, но здесь, за дубовым столом, царил могильный холод.

Добрыня ронял слова тяжело, без надрыва — комья мёрз-

лой земли на крышку гроба. Так говорят те, кто перешагнул край, когда глотка пересохла от отчаяния, а лгать самому себе нет мочи.

Орден оказался монолитом. Не разрозненной конницей, привычной новгородцам, а стальной клешнёй. Воевода глухо перечислял цифры, вбивая их в тишину: рыцари, сержанты, кнехты. И местные послушники — те, кто подставил шею под Белого Бога ради корки хлеба и целых животов своих баб. Добрыня не сыпал проклятиями, лишь сухо констатировал: людям нужно жрать. Орден скупал лояльность там, где тупились клинки.

— В сшибке у ворот видел, — он обхватил глиняную кружку так, что костяшки пальцев проступили белыми буграми. — Мой десятник всадил рыцарю топор в плечо. С хрустом, до самой кости, лезвие в суставе застряло. А пёс только качнулся. Рубанул обратным хватом, выровнял дыхание — и шагнул по трупу дальше. В них пусто, Станимир. Будто калёным железом выжгли нутро, что заставляет скулить и молить о пощаде.

Станимир слушал, полуприкрыв веки. В голове выстраивалась схема: лязгающая, бездушная машина. Тяжёлая пехота держит строй, рыцарский клин взламывает оборону. Герхард фон Крейц не был мясником — он оказался зодчим смерти. Магистр не лез на рожон, он планомерно душил Псков, перерезая торговые артерии, хладнокровно выжидая, пока голод заставит матерей варить похлёбку из ко-

жанных ремней.

— Ошибся я, — воевода выдохнул вместе с сизым дымом.
— Думал, сдам камни — сохраню кровь. Сохранил. Только бродят теперь за стенами не мои люди. Пустые шкуры.

Станимир провёл огрубелыми подушечками пальцев по столешнице, нащупывая глубокую зарубку в дереве.

— Карту покажи.

— На столе у него лежала, — Добрыня принялся чертить ногтем по просыпанным крошкам хлеба. — Псков, Ладога, Новгород. Прямые линии, чёткие, как удар копьём. Но поверх всего — крест. Прямо на сердцевине Чудского озера. Фон Крейц лично выезжал туда на днях. Стоял на берегу, ветер рвал белый плащ, а он загибал пальцы. Считал. Глаза сухие, злые, губы кривятся. Никто из свиты не понял, на кой ляд ему лёд в апреле понадобился. А он явно что-то вымерил.

Станимир стиснул челюсти. Апрельское солнце уже жрало панцирь озера, превращая монолит в пористую, зыбкую кашу. Конный рыцарь в полном облачении весит немногим меньше медведя. Игла кольнула висок: Герхард не верит в чудеса. Если выбрал лёд, значит, вода для него — союзник. Он придумал ловушку.

Творимир застыл в углу изваянием из морёного дуба. Волхв с Даром Слова копил тишину, впитывая не слова Добрыни, а мелкую дрожь его связок, отделяя зёрна правды от плевел самообмана.

Напротив, Буян методично рвал зубами вяленое мясо. Челюсти ходили ходуном. Рыжий великан всегда думал желудком, но выводы делал верные.

Светлан духоты не выдержал, бесшумно скользнул за дверь. Через четверть часа со двора донёсся девичий вскрик и его сочный, раскатистый смех — такой живой, что в избе стало светлее. Добрыня вздрогнул. На оплывшем лице воеводы проступило что-то забытое.

— Умеет пацан, — глухо выдавил он.

— Природа, — Буян усмехнулся, стряхивая жир с бороды. — Его и в пекле черти мёдом напоят.

Позже Станимир вышел на крыльцо. Псков под оккупацией дышал как мертвец. Тишина здесь была не покоем, а удавкой. Ни собачьего бреха, ни пьяной ругани — только мерный, отчеканенный железом ритм. Двести сорок шагов, скрип сапог по жёсткому насту, пауза, звон алебарды о камень. Они вытравливали суть русской жизни — хаотичную, бурлящую. Против стали можно выйти с топором. Но как разрубить тишину? Станимир прислонился спиной к промёрзшему бревну, чувствуя, как мороз забирается под воротник. Он вспоминал мальчишку у коновязи, крест на карте, расчётливые глаза Герхарда.

Утро вывело на двор Снежану. Она тащила от колодца полные вёдра. Дочь старосты, не дворовая девка — стать и упрямство читались в каждом движении, несмотря на засаленный подол и грубый платок. Светлан тут же перехватил

обледенелое коромысло, сверкнув улыбкой. Буян следил за ними сквозь узкую щель ставней. Снежана сначала вжала голову в плечи — привычка жертвы, вбитая орденскими патрулями, — но Светлан не излучал угрозы.

Станимир спустился с крыльца. Снежана резко обернулась. В воздухе коротко и сухо щёлкнуло, словно от статического напряжения. Девушка не отвела глаз. Станимир втянул ноздрями колкий воздух, почуяв её запах сквозь дым и стылость двора — терпкий аромат пота, шерсти и горячего тела. Горло пересохло. В её тёмных зрачках плескалось острое, тягучее узнавание. Волоски на руках Станимира встали дыбом, под рёбрами полыхнуло тяжёлым жаром, узлом стягивая низ живота.

Вечером она пришла в горницу. Принесла дымящееся варево и не исчезла за порогом, а безмолвно скользнула в самый тёмный угол. В руках замелькали спицы, вплетая суровую нить в полотно. На тонком запястье тускло блестел медный браслет. Станимир не смотрел в её сторону, но кожей чувствовал исходящий от неё жар.

Дверь распахнулась, впуслав клуб морозного пара и Светлана. В руках он победно сжимал кусок мяса.

— У мясника на сказку про медведя выменял! — выпалил он и осёкся, наткнувшись взглядом на Снежану.

Свёрток едва не рухнул, но Буян перехватил добычу. Светлан застыл, пожирая девку глазами со щенячьим обожанием. Снежана подняла спокойный взгляд — в нём не было

робости, только древняя усталость.

Буян вонзил зубы в мясо, глядя в закопчённый потолок:
— Славная сказка, видать.

Ночь навалилась на терем свинцовой тяжестью. Сидели впятером. На столе появилась корчага с мёдом — Буян умудрился добыть хмельное даже в мёртвом городе. В этом крохотном островке тепла посреди чумного Пскова было что-то пронзительно хрупкое.

Буян поднял кружку:

— За тех, кто дошёл. И за тех, кто ляжет. Чует моё нутро — ледоход нынче будет красным.

Выпили не чокаясь. Творимир повёл седой бровью. В глазах Добрыни на секунду полыхнул отблеск прежней ярости.

Снежана вынырнула из теней, ставя на стол свежие соты. Светлан торопливо подвинулся, но она лишь кивнула и опустилась на скамью напротив Станимира. Воздух стал плотным, вязким. Расстояние искрило. Станимир перевёл взгляд с её ключиц, тяжело вздымающихся под рубахой, на лицо. Губы сжаты, дыхание сбилось. Она не опускала глаз. В её зрачках чернела та самая полынья, куда он готов был шагнуть в доспехах. Под столом её колено скользнуло по его бедру. Жар тела прошил сукно, ударил в пах тугой пульсацией. Станимир стиснул челюсти, впиваясь пальцами в край стола.

Буян шумно выдохнул, пряча усмешку в кружке. Светлан сглотнул; улыбка на губах мальчишки померкла, стала жёстче. Он принял этот безмолвный выбор, как воин принимает

неизбежность стрелы.

Когда угли подёрнулись золой, Творимир разомкнул губы. Голос волхва ударил набатом:

— Кровью тянет. Большой кровью. Не нынче. Весной. На воде.

Станимир, чьё тело горело от невыплеснутого напряжения, повернул голову:

— На воде? — хрипло выдавил он.

За слюдяным окном лязгнуло железо. Патруль. Станимир сжал кулаки. Герхард фон Крейц, лёд в человеческом обличье. Магистр вычислил плотность льда, силу течения и вес закованной в сталь конницы. Ловушка захлопнется там, где вода не выдержит железа. Вопрос лишь в том, кто именно проломит этот лёд.

Утро переломилось пополам прежде, чем мутное солнце успело лизнуть зубцы крепостных стен. Орденский гонец вынырнул из сумерек — костяное изваяние на взмыленном коне. Тяжёлый хрип животного рвал тишину, из раздутых ноздрей вырывался пар, мгновенно оседая инеем на нагруднике всадника. Гонец не ждал оклика. Он швырнул Добрыне свиток, запечатанный чёрным воском, и замер. В его неподвижности дышала высокомерная уверенность силы, которая не просит, а извещает.

Добрыня принял пергамент. Пальцы, привыкшие к шершавой рукояти меча, одеревенели. Воск хрустнул под ногтем. Лицо воеводы застыло мертвенной маской, лишь жел-

ваки дрогнули, а губы превратились в узкий, бескровный шрам. Он читал долго, едва шевеля губами, словно пробовал латынь на вкус и боялся учуять яд.

— Магистр Герхард фон Крейц желает видеть новгородцев. Лично. В цитадели на Вороньей Горе завтра к полудню, — Добрыня сглотнул. — Приказано явиться без оружия. Магистр даёт слово чести.

Тишина стала осязаемой, холодной и тяжёлой, как брошенная в сугроб кольчуга. Светлан застыл у окна, ногтями скребя изморозь. Буян перевёл взгляд на Станимира. В глазах великана застыло ожидание зверя, учуявшего, как смыкаются зубья капкана.

— Это не переговоры, — выдавил Буян. — Это смотрины. Мы для него не люди. Лошади на торгу, у которых зубы проверяют перед тем, как на живодёрню вести.

Станимир взял свиток. Чёрный крест, вбитый в печать, глядел слепо и властно. Безупречный оттиск, приговор без права на обжалование. Он представил фон Крейца. Человека-механизм, вытравливающего случайность из бытия. Для магистра они не враги — погрешность в расчётах.

— Едем, — Станимир припечатал пергамент к столу ладонью.

Буян встал, потянулся — позвонки хрустнули, точно сухие ветки под копытом. Не проронив ни звука, он шагнул к выходу. Светлан отлип от окна, лицо его осунулось.

— Без мечей? — голос парня сорвался.

— С мечами, — отрезал Станимир. — В ножнах. Кому дорога голова — пусть оставляет дома. А мне моя честь шею греет лучше меха.

Снежана стояла в тени. Её взгляд жёг Станимиру кожу между лопаток. Она не сделала ни шага, не проронила ни звука, но в её расширенных зрачках застыло отчаяние — с таким провожают на плаху, стараясь навечно впитать в себя облик дорогого человека. Станимир не обернулся. Он чувствовал её всем хребтом.

Они выехали, когда бледное солнце, похожее на оловянную бляху, выкарабкалось из-за лесов. Оно не грело, лишь заставляло ледяную пыль искриться колкими иглами. Воронь сорвались с карнизов, чертя на сером небе рваные знаки беды.

Впереди вспухла Воронья Гора — белокаменный оскал цитадели. Там ждал человек, умеющий считать жизни на пальцах. Станимир понимал: разница между его холодным расчётом и капризной яростью весенней воды станет той самой трещиной, в которую утечёт либо кровь рыцарей, либо сама душа Новгорода.

Тяжёлое железо ворот лязгнуло, отсекая путь назад. Стражник проводил их взглядом — пустым, как у рыбы, выброшенной на мороз.

Станимир ехал вперёд, глядя строго между ушей коня. Он не оглядывался. Псков с его шепотками, забитыми людьми и запахом Снежаны остался за чертой. Впереди была только

сталь и ледяная пустота в глазах магистра.

ГЛАВА 2: БЕЛАЯ КРЕПОСТЬ

Воронья Гора возникла внезапно — ударила в глаза, словно вскрытая рана на белом теле равнины.

Они пробивались сквозь хвойную чащу: сосны стояли стеной, переплетаясь обледенелыми ветвями, скрадывая небо. Дорога петляла в сумрачном тоннеле, где снег лежал девственно чистым, не тронутым ни зверем, ни случайным путником. Орденский провожатый — сержант с лицом, высеченным из серого гранита, — ехал впереди, не оборачиваясь. На редкие вопросы ронял скупые, казенные фразы, лишённые и злобы, и интереса. Для него они были лишь грузом, который надлежало доставить в срок.

Лес выдохнул их на открытое плато.

Цитадель застыла на краю обрыва — ослепительно белая, вырезанная из горизонта хирургически точными линиями. Станимир натянул поводья, заставляя коня замереть. Буян притёрся боком к его жеребцу. Оба молчали.

Чужеродный этой земле белый камень слепил глаза. Стены вздымались безупречно ровными плоскостями, без единой щербины — холодный расчёт, превращённый в крепость. Четыре угловые башни с тремя ярусами бойниц вгрызались в небо, а над ними, тяжёлыми пластами застывшего дёгтя, висели стяги с чёрными крестами. Широкий ров угадывался по предательскому провалу в насте. Подъёмный

мост был опущен, обнажая нутро ворот. Жирно смазанные маслом цепи матово поблескивали, но Станимир, прищурившись, заметил: крепления в кладке были старше самих стен. Тёмное, тронутое оспой ржавчины железо под свежей краской шло пузырями.

Орден строил на века, но земля уже подтачивала их идеальный порядок.

Станимир перехватил взгляд Буяна. Великан едва заметно повёл подбородком влево. Мёртвая зона. Угол правой башни перекрывал сектор обстрела для лучников — узкая полоса шагов в двадцать, прижатая к самому рву. Провожатый ехал дальше, спина его оставалась прямой и безразличной.

Ворота возвышались в три человеческих роста. Каменная ловушка свода, идеально подогнанные блоки, отсутствие малейшей трещины — всё здесь шептало о ничтожности путника. В подворотне воздух стал холоднее на несколько градусов, пропах прелым камнем и застоявшейся тьмой.

Внутренний двор дышал механической деловитостью. Сержанты разгружали обозы, принимали донесения, чистили снаряжение. Ни суеты, ни праздных выкриков. Несколько пар холодных, профессиональных глаз мазнули по приезжим, оценили вес доспеха, посадку в седле и вернулись к работе.

Станимир впитывал звуки: ритмичный лязг кузницы за левым крылом, фыркание сотен лошадей, скрип лебёдок. В

крепости было не меньше двухсот мечей. Ещё столько же дымил трубами в посаде под стенами. Это не была оборона — это был плацдарм для броска. Штурмовать такое в лоб означало удобрить снег своим мясом. Только измор, только долгая, изнуряющая хитрость.

Светлан ехал следом, непривычно притихший. Его пальцы судорожно сжимали поводья. Он смотрел на величие камня с тем горьким изумлением, с каким смотрят на надвигающуюся лавину.

Их провели по винтовой лестнице, ступени которой были вытерты тысячами подкованных сапог до зеркального блеска. В конце коридора распахнулась дубовая дверь.

Зал встретил ледяным спокойствием. Несмотря на ревущее пламя в огромном очаге, холод сочился из стен. На длинном столе покоились карты, прижатые медными весами. Герхард фон Крейц стоял у бойницы, спиной к вошедшим.

Магистр обернулся медленно. Ровный силуэт, коротко стриженное серебро волос, прямая, как клинок, спина. Но главное — шрам. Белая рваная нить тянулась от челюсти к ключице, перечеркивая горло.

— Садитесь, — произнес он.

Голос был тихим, надтреснутым, похожим на шорох сухой гальки. Из-за поврежденных связок Герхард говорил хрипло, заставляя собеседников невольно подаваться вперёд, ловить каждый звук. Магистр знал это. Он управлял внимани-

ем, просто экономя воздух.

Лицо его не было лицом палача. Это было лицо человека, который сорок лет кряду делал «правильный» выбор и окончательно в нём застыл. В серых глазах не читалось ни злобы, ни триумфа. Только вековая усталость того, кто знает финал пьесы и ждёт, когда остальные дочитают свои роли.

Герхард опустил на стул, положив ладони на стол — сухие, узловатые, спокойные. У дальней стены, в тени, замер незаметный писец.

— Ваш посадник хочет знать наши намерения. Я отвечу прямо. Я ценю время.

Слова падали ровно, в строгом ритме.

— Орден предлагает протекторат. Дань зерном и мехом — разумная, чтобы город дышал. Наши священники в храмах — без принуждения, лишь слово истины. Торговые пути — для всех. Взамен вы получите щит. От степняков, которые рано или поздно придут. От ваших собственных распрей, в которых вы захлебываетесь.

Он не угрожал. Он предлагал сделку, выверенную, как математическая формула.

— Это не унижение, воевода. Это расчёт. Выбор разумного человека.

Станимир смотрел на него, и холод внутри становился плотнее камня стен. Магистр был уверен, что выбора нет. Он искренне считал, что новгородцы — просто переменная в его уравнении, не осознавшая своей ценности.

Когда тишина в зале стала колючей, Станимир ответил:
— Нет.

Короткий выдох. Без пафоса. Герхард не вздрогнул. Напротив — в его глазах вспыхнул искренний, почти детский интерес. Так анатом смотрит на труп, внезапно дёрнувший конечностью.

— Почему? — хриплый шепот разрезал воздух.

— Потому что ваш расчёт не учитывает одного, — Станимир подался вперёд, чувствуя, как кожа на скулах натянулась. — Мы не выбираем между хозяевами. Мы выбираем между жизнью и тем, что предлагаете вы. Ваша «защита» пахнет известью и тишиной. Мы предпочитаем вонь пожара, но на своей земле.

Герхард чуть наклонил голову, изучая гостя, словно редкое насекомое.

— Молодой воевода. Не испуган. Редкость в ваших краях.

Это было хуже открытой угрозы. Уважение врага — высшая форма опасности. Значит, он начнет изучать воеводу всерьез.

— Что ж, — Герхард поднялся, и это движение стало финальной точкой. — Посмотрим, как вы запоете в апреле, когда лёд под ногами станет тонким. Провожатый выведет вас.

Буян встал рядом — массивная, незыблемая скала. Светлан и молчаливый Творимир поднялись следом. Герхард уже не смотрел на них. Он склонился над картой, вычеркивая их из настоящего. Для магистра они стали прошлым.

Они вышли из зала, и лязг собственных шпор о камень показался Станимиру оглушительным в этой мёртвой, выверенной тишине.

По двору цитадели он шёл нарочито скупно, вымеряя каждый шаг, словно под подошвами был тонкий весенний лёд, а не засыпанный песком камень. Сержант-проводной чеканил шаг в пяти саженях впереди — та самая уставная спесь, что даёт внимательному врагу драгоценные мгновения.

Станимир впитывал детали. Бойницы правой башни оставляли у ворот слепое пятно шагов в тридцать. Мёртвая зона была шире, чем виделось с тракта. Ров: судя по тому, как просел снег у южной стены, глубина там достигала восьми-девяти локтей — конь не выберется, а латник захлебнётся в жиже раньше, чем нащупает дно. Ржавчина на креплениях моста была не просто налётом — железный рак выел металл глубоко, краска пузырилась гнилыми нарывами. Один верный удар тараном — и рычаг вывернет с мясом.

Голодом их не взять. Только если кто-то отворит засов изнутри.

Проходя мимо конюшни, воевода почуял густой жилой запахом: распаренное сено, конский пот, дёготь. У ворот высокий рыцарь в кольчуге чистил коня. Плащ с крестом висел на гвозде. Движения правой руки со щёткой были механическими: вниз по крупу, разворот кисти, снова вниз. Так работают те, у кого ремесло въелось в кости. Но смотрел рыцарь не на жеребца. Его взгляд был нацелен вдаль, туда, где

за лесами начинался путь на север.

Станимир не замедлил хода, но всем существом обратился в слух.

— Воевода, — сорвалось с губ рыцаря.

Тихо, как шелест сухой травы. Сержант впереди даже ухом не повёл. Станимир продолжал идти, чувствуя, как внутри всё натянулось, будто тетива.

— Северный берег Чудского. Лиственница на мысу, одна стоит. Завтра в полдень.

Слова упали быстро, без интонаций, точно кости в гадальную чашу. Щётка продолжала мерно скрести шкуру лошади. Ни тени смущения, ни лишнего взгляда.

Станимир вышел к своим коням, не оборачиваясь. Затылком он чувствовал чужое присутствие, но маску спокойствия не уронил. Сердце толкнулось в рёбра, горло сдавило сухим жаром.

Буян уже сидел в седле, держась за луку. Он не смотрел на воеводу — глядел прямо в зев ворот, но по тому, как побелели его костяшки на поводьях, стало ясно: услышал. У рыжего великана был слух лесного волка, ловящего треск сучка за версту.

Ворота со стоном захлопнулись за спинами, отсекая холодный порядок камня.

Творимир поравнялся с Буяном, когда лес снова сомкнулся над ними. Волхв не смотрел на воеводу, голос его звучал глухо:

— В той норе есть наш человек.

Буян даже не шелохнулся.

— Пленник?

— Нет. Вольный. Своей волей там дышит.

Волхв отстал, скрываясь в тених сосен. Буян молчал ещё версту, пока провожатый не исчез из виду. Только тогда он выдохнул, и пар изо рта вырвался густым облаком:

— Слышал?

— Слышал, — Станимир кивнул. — Творимир тоже почувал. Свой он. Из лесных.

Светловолосый рыцарь двигался не как пришлый латник. В его осанке, в скупом повороте плеча жила повадка охотника, привыкшего ждать зверя в засаде.

Северный берег. Одинокая лиственница. Завтра.

В Псков въезжали в густых, иссиня-чёрных сумерках. Звёзды высыпали на небо колючим крошевом — мороз крепчал, выжимая влагу из воздуха. Снег под копытами скрипел пронзительно, точно жаловался.

Добрыня ждал в горнице. Он не грелся у огня — стоял посреди комнаты, и по тому, как тяжело были опущены его плечи, воевода понял: пришла беда, пахнувшая гарью.

— Дымы видели, — Добрыня не стал тратить время на приветствия. — Трое дозорных подтвердили. К востоку, в трёх местах. Степные костры.

Станимир замер, не снимая обледенелого плаща.

— Ошибка быть может?

— Мои люди не путают дым сухого ковыля с сосновым. Орда щупает границы. Второй раз за луну, и теперь — вдвое ближе.

Буян опустил на лавку, крутя в руках пустую кружку. В его глазах застыла мрачная дума.

— Если Магистр и хан договорятся о разделе... — начал Светлан, но Станимир оборвал его жестом:

— Тогда Псков станет могилой раньше, чем вскроются реки.

Добрыня молча кивнул. Творимир застыл у окна, глядя в темноту двора. Его молчание теперь не было покойным — оно вибрировало, как воздух перед грозой. Волхв ловил отзвуки чужой воли, пытался разобрать шёпот, идущий из-за горизонта.

Станимир сел к столу, чувствуя, как наваливается усталость. С запада — железная машина Ордена, с востока — неуловимая ярость Орды. А между ними — разрозненные города и одна ночь, чтобы решить, как не скормить их всех воронам.

Снежана вошла бесшумно, принесла миски с кашей и кувшин. Поставила на стол, но не ушла. Села в углу, достала вяжание. Спицы мелькали в пальцах ровно, ритмично, но Станимир видел: её взгляд то и дело соскальзывает с шерсти на него.

В горнице стало тесно. Не от людей — от невысказанного. Буян пил мёд медленными, тяжёлыми глотками, глядя на

огонь. Добрыня мерил комнату шагами.

Станимир поднял глаза и встретился взглядом со Снежной. Воздух между ними загустел, став горячим и тягучим, как сосновая смола. В её зрачках отражалось пламя свечи, и воевода ощутил этот взгляд физически — как касание ладони к щеке. Жар её присутствия перебивал холод, сковавший тело за день. Она не опускала глаз. В этом молчаливом поединке было больше откровенности, чем в любой исповеди.

Он вспомнил светловолосого рыцаря. Северный берег. Завтра в полдень.

Ночь навалилась на город ватным одеялом. Псков затих, скованный орденом дозором. Двести сорок шагов. Пауза. Двести сорок. Ритм, отмеряющий чужое время.

Станимир лежал на лавке, укрывшись плащом, но сон не шёл. Он думал о Герхарде, о его руках — спокойных, ладонями вниз. Магистр верил в свой порядок, как верят в бога. И эта убеждённость делала его страшнее любого берсерка.

В коридоре скрипнула половица. Станимир мгновенно подобрался, рука нащупала рукоять ножа под головой. Дверь приоткрылась, впуслав полосу тусклого света.

Творимир вошёл тенью. Не зажигал огня, просто встал у изголовья.

— Я вспомнил его лицо, — прошелестел волхв. — Того, из крепости. Видел в море год назад.

— Кто он? — Станимир сел, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Один из тех, кто ушёл в лес, когда пал Изборск. Свободный дух в чужой шкуре. Он ждёт своего часа.

Творимир ушёл так же незаметно, оставив после себя запах полыни и старой кожи.

Станимир снова лёг, глядя в потолок. Перед глазами стоял рыцарь у конюшни, глядящий на север. Лиственница. Завтра.

Дозор за окном прошёл в очередной раз. Двести сорок шагов. Ночь начала выцветать, наливаясь предрассветной синевой. Станимир не закрывал глаз. Судьба — острая, неизбежная, как грань меча — уже коснулась горла. Где-то в глубине дома снова скрипнула доска, и этот звук показался вздохом самой земли, ждущей весенней крови.

Крики вспороли предутреннюю тишину двора. Один голос, надтреснутый от холода, затем второй — глухой удар, тяжёлый топот сапог по подмёрзшей корке наста.

Станимир оказался на ногах прежде, чем осознал толчок сердца. Ладонь сама нашла холодную рукоять меча — привычка, вбитая в мышцы годами стычек, когда жизнь измерялась секундами. Коридор обжёг ступни ледяным сквозняком. Рывок двери — и двор, накрытый куполом чернильного неба, в котором колючими иглами застыли немигающие звёзды.

У конюшни Светлан сжимал факел. Рыжее пламя бешено плясало на ветру, выхватывая из тьмы его побелевшие ко-

стяжки. Рядом застыл Буян — огромный, в одной исподней рубаше, он походил на утёс. Оба смотрели вниз.

На снегу у самых ворот чернело клеймо. Оно было выжжено в промёрзшей земле глубоко и яростно — металл, раскалённый добела, оставил Орденский крест в круге. Снег вокруг разворочен, взбит тяжёлыми сапогами, которые ушли так же внезапно, как появились. Рядом, брошенный с пугающей аккуратностью, лежал плащ. Белый, тяжёлого сукна, без единого пятна крови или дорожной грязи. Мёртвый кокон, лишившийся хозяина.

Буян поднял ткань, развернул, проверяя на вес. Под его пальцами сухо хрустнуло.

Записка.

Обрывок пергамента, исчерканный неровными, угловатыми буквами. Так пишет человек, чей разум привык к иным знакам, а рука — к иному оружию. Северная речь, выученная поздно, когда язык уже не хочет гнуться под чужие звуки.

Станимир перехватил листок. Светлан поднёс факел ближе, и в неверном свете буквы поплыли, превращаясь в звериные следы на подтаявшем льду: «Герхард выступит раньше. До вскрытия рек. Уходите».

Всё. Ни имени, ни знака. Только сухой приказ.

Воевода перечитал дважды, впитывая каждое кривое очертание, сложил пергамент и убрал в кошель. Он медленно обвёл взглядом двор: закрытые ворота, притаившиеся те-

ни, мёртвые глазницы окон. Тишина стояла абсолютная, если не считать хриплого дыхания Буяна и далёкого перезвона дозорных за стеной.

— В дом, — отрезал Станимир. Голос прозвучал сухо. — Завтра в седле будем до того, как роса вымерзнет.

Буян коротко кивнул. Он не задавал вопросов — в его мире приказы не обсуждались в предрассветных сумерках. Обернувшись, он пошёл к дверям, на ходу зевнув так, что хрустнули челюсти.

Светлан помедлил. Он всё ещё смотрел на выжженное пятно, факел в его руке дрожал, расплёскивая капли горячей смолы.

— Это ведь значит... — начал он, но голос сорвался на высокой ноте.

— Ложись, — Станимир положил руку ему на плечо, чувствуя, как парня бьёт нервная дрожь. — Тебе голова завтра свежая нужна будет.

Светлан кивнул и, понурившись, скрылся в дверном проёме.

Станимир остался один. Он стоял над чёрным клеймом, вдыхая запах гари и мороза. Поднял взгляд к небу. Звёзды равнодушны. Мороз сковывал землю, готовя её к большой крови. Герхард не станет ждать апреля. Он ударит сейчас, пока лёд ещё держит вес коня в латах. Пока Русь надеется на весеннюю распутицу.

Воевода поднял брошенный плащ, встряхнул, ловя нозд-

рями едва уловимый след. На правом рукаве, у самого шва, он заметил крошечное бурое пятно. Не кровь. Засохшая хвойная смола, перемешанная с запахом лошадиного пота и старого железа. Тот, кто принёс это послание, пробирался лесом, минуя тракты, с мастерством бывалого пластуна.

Кто ты, светловолосый рыцарь, не желающий смотреть в глаза?

Орденский дозор за стеной чеканил шаг — двести сорок ударов обрубков железа о камень. Теперь этот звук не был просто часами. Это был метроном, отсчитывающий последние мгновения свободы.

Станимир взял плащ под мышку и вернулся в дом. Лёг, не снимая сапог, и до самого рассвета смотрел в потолок, где плясали тени от догорающего очага. Он думал о лиственнице на северном берегу. О Герхарде, который уже отдал приказ к выступлению. О том, что Орда с востока — не просто дым на горизонте, а молот, который скоро встретится с наковальней Ордена. Между ними — только он и горстка людей, не разучившихся дышать вольно.

ГЛАВА 3: ВЕЧЕ

В Новгород они втянулись на четвёртый день — вымотанные, заиндевелившие, на конях, чьи бока ввалились от бесконечного бега, а гривы закурчавились от застывшего пота.

Город обрушился на них медным гулом. То был не яростный всполох вечевого набата, а мерный, будничный перезвон утренних служб, катившийся над маковками церквей. Для Станимира этот звук с детства означал дом, но теперь, после мёртвой, придавленной тишины Пскова, колокола резали слух. Они кричали о том, что здесь ещё дышат полной грудью, что звонарь волен обрушить на город ливень звука, не дожидаясь дозволения орденового магистра. Новгород бурлил: скрипел полозьями саней, выкрикивал рыночную брань, обдавал густыми запахами печёной рыбы, дублёной кожи и кислого теста. Живое, хриплое нутро огромного города ещё не чувало петли.

Или чувало, но прятало страх за суетой.

Буйан ехал угрюмо, косясь на обледенелые ряды обжорного ряда. Светлан вертел головой, беззвучно шевеля губами — то ли молитву читал, то ли считал, во сколько выльется замена стёртых подков. Добрыня держал спину прямо, но взгляд его, цепкий и чужой, ощупывал знакомые улицы. Псковский воевода вернулся туда, где его считали мертвецом или предателем, и тяжесть этого знания давила на плечи сильнее коль-

чуги. Творимир замыкал шествие, растворившись в дорожной пыли и холоде — тень среди теней.

Станимир лиц не видел. Перед глазами всё ещё стояла одинокая лиственница на северном берегу Чудского и человек, назвавшийся Зигфридом. Тот говорил по-северному почти чисто, лишь иногда спотыкаясь на гласных, точно на мелких камнях. В памяти занозой застряло то, что рыцарь сказал, и ещё глубже — то, о чём он промолчал, отведя взгляд.

Но это подождёт. Сначала — Посадник. Сначала — Совет.

Зал боярского совета встретил их душным жаром. Зимой здесь жгли сотни восковых свечей в тяжёлых медных шандалах, и свет, преломляясь в слюдяных оконцах, ложился на пол мутными жёлтыми пятнами. Пахло дорогим сукном, несвежим мехом и старым воском. Бояре сидели плотно, сбившись в живую, недовольную массу.

Мстислав занимал место в резном дубовом кресле во главе стола. Посадник не играл в величие. Он просто сидел, положив тяжёлые кисти рук на подлокотники, и смотрел взглядом купца, оценивающего товар, который заведомо не окупится.

Станимир докладывал стоя. Голос звучал сухо, факты ложились на стол, как обломки битого льда. Псков, затянутый в железный корсет. Карта магистра с чёрным крестом на озере. Степные дымы на востоке. Добрыня — живое свидетельство.

ство позора и боли. О Зигфриде он упомянул вскользь: есть голос внутри Ордена.

Зал слушал в той особенной тишине, за которой всегда следует взрыв. А потом начал говорить.

Станимир отошёл на шаг, становясь наблюдателем. Его интересовали не те, кто кричал — их мотивы были прозрачны, как весенний ручей. Он смотрел на молчащих.

Боярин Семён Ратич разразился яростной речью о чести и мечах. Он хлопал ладонью по столу так, что подпрыгивали подсвечники. Станимир смотрел на его руки — белые, холёные, не знавшие ни мозолей от древка, ни холода стали. Ратич знал, какую песню ждёт толпа, и пел её мастерски, прикрывая прямою спиной отсутствие воинской выправки. Соседи кивали ему в такт — слаженный хор, отрепетировавший партию заранее.

Напротив, боярин Фёдор Охримов по прозвищу Третьяк цедил слова сквозь зубы. Расчёт его был холоднее ночи: убытки Ганзы, потерянные рынки, разорванные договора. Цифры точны, логика безупречна. Охримов знал цену войны, но фатально ошибался в цене мира. Для него мир был товаром, который можно перекупить.

В углу, в побитой молью шубе, застыл старик. Казалось, он дремал, но веки мелко дрожали, а зрачки под ними неустанно следили за говорившими. Старая школа. Те, кто выживал, прикидываясь ветошью, пока сильные мира сего перегрызали друг другу глотки.

Гул нарастал. Кто-то орал, что нельзя рубить руку, которая кормит — имея в виду западную торговлю. Кто-то отвечал, что, когда Орден войдёт в Новгород, кормить будут только псов на псарне магистра.

Это не был совет. Это было живое, многоголовое существо, ослепшее от собственной сытости. Оно требовало не логики, а боли.

Станимир поднял руку. Сначала его не заметили в общем гаме. Он поднял её снова и заговорил тихо. Настолько тихо, что ближним боярам пришлось податься вперёд, ловя звуки. Тишина поползла по залу кругами, гася крики.

— Я видел Псков, — произнёс Станимир.

Он не повышал голоса. Он просто дал залу почувствовать холод.

— У восточных ворот стоит пепелище. На месте капища — чёрные угли, и снег вокруг серый, как кожа покойника. У колодца стоит старуха. Когда мимо грохочет орденский дозор, она прячет руки под фартук и украдкой чертит знак Велеса. У неё в глазах — новый страх. Человек не рождается с таким, он учится ему за неделю, видя, как соседа вешают за «неправильную» молитву.

Зал замер. Слышно было только, как трещит фитиль в одной из свечей.

— У склада стоит мужик. У него под глазом наливается синяк, а в руках — вязанка дров. Своя печь остыла, но он несёт дрова в орденский дом. Не потому, что задолжал. По-

тому что теперь это закон. А у ворот стоит мальчишка. Лет десяти. И он смотрит на рыцаря в латах не со страхом. Он смотрит на него с восторгом.

Станимир сделал паузу, чувствуя, как пересохло в горле.
— Угли зарастут бурьяном. Синяки сойдут. Но этот мальчик вырастет. И через три года он сам захочет надеть такой же плащ и прийти сюда, чтобы отбирать дрова у ваших детей. Это не про честь, бояре. Это про то, останетесь ли вы людьми на этой земле или станете кормом для чужой идеи. Расчёт Охримова верен, но он забыл вписать в него цену детского восхищения врагом.

Станимир замолчал и отошёл в тень.

Зал не взорвался криком. Он задышал — тяжело, неровно. Ратич снова вскочил, пытаясь оседлать волну, но гул стал другим. Это был не спор. Это был низкий, утробный рокот осознания.

Мстислав, всё это время сидевший неподвижно, медленно перевёл взгляд на воеводу. В глазах Посадника не было одобрения — только признание того, что удар достиг цели. Он снова начал считать, но теперь в его уравнении появились новые переменные. Те, что пахли пеплом и старой смолой на белом орденском плаще.

Снежана возникла в дверях, когда гомон перерос в нестройный лай. Станимир выцепил её взглядом мгновенно — светлое пятно волос среди угрюмых мужских шапок, прямая, как натянутая струна, спина и тусклый блеск браслета

на тонком запястье. Она вошла без зова, с той спокойной уверенностью, что даётся лишь породой и осознанием своего права. Ладожская купчина, дочь хозяина богатых земель — она заняла место на дальней лавке, не ища поддержки в глазах знакомых.

Её появление пустило по залу недобрую волну. По краям закашляли, зашептались: женщина на вече — это что ж, устои по швам поползли? Мстислав вперился в неё тяжёлым взглядом, словно прикидывая на весах новую гирию. Снежана же смотрела в пустоту перед собой, сложив ладони на коленях.

Станимир ощутил, как железный обруч, сжимавший грудь все эти дни, чуть ослаб. Облегчение было мимолётным, как глоток студёной воды в зной. Странно: знал её всего три дня, а присутствие девушки в этом гнезде крикливых бояр подействовало как надёжный засов.

Шум угас сам собой, когда она встала. Без театральных жестов, без просьбы о слове. Просто выпрямилась — и тишина в зале стала осязаемой, холодной.

Она заговорила негромко, но голос, чистый и глубокий, резал душный воздух, как хорошо заточенный нож. Дар Воды рода Ладожских был не сказкой, а тяжёлым бременем, живущим в крови. Снежана знала лёд Чудского озера так, как купец знает вес куны в своей руке — по едва слышному хрусту, по движению течений в тёмной глубине. Этой весной лёд будет стоять долго. До конца апреля, а то и до первых

чисел мая. Для тяжёлой орденской конницы, закованной в сталь с головы до копыт, апрельский лёд — не дорога. Это ловушка. Смертный груз, что потянет на дно всякого, кто доверится обманчивой белизне.

Зал замер. Снежана не искала взгляда Станимира. Она была точно в цель. Она видела страх за маской спокойствия Охримова — тот чувствовал холод под подошвами своих сапог.

— Орден ждёт мартовской крепости, — Снежана обвела зал взглядом, в котором не было мольбы, лишь знание. — Мартовский лёд — щит. Апрельский — саван. Они этого не знают. Я — знаю.

Она села. Молчание затянулось. Его расколол старый купец в первом ряду, чьё лицо напоминало кору древнего дуба.

— Покойница жена моя из Ладоги была, — проскрипел он, не глядя на соседей. — Дар Воды — не пустые слова. Видел сам. Своими глазами.

Этой фразы хватило, чтобы перевесить все речи о чести. Снежана лишь коротко кивнула старику — не за помощь, а за правду.

Мстислав задержал Станимира, когда свечи уже начали оплывать. Посадник дождался, пока в коридорах затихнет эхо шагов, и кивнул на тяжёлое кресло. Сам налил воды, выпил медленно, словно смывая горечь прошедшего дня.

— Хорошо бьёшь, — Мстислав поставил кружку, вглядываясь в лицо воеводы. — Коротко. Больно.

— Слушали не меня, — Станимир не отвёл глаз. — Слушали Псков.

Посадник кивнул и без лишних вступлений перешёл к главному:

— Дам людей. Половину дружины. Покажешь, что не вступую положишь — дам остальных. Выиграй мне хоть один бой, воевода. Малой кровью.

Станимир сжал челюсти. Половина. Против железного клина Герхарда. Мстислав проверял его на прочность — как проверяют лезвие, сгибая перед ударом.

— Половины хватит для первого раза, — ответил Станимир. — Для второго понадобятся все. Потому что после первого ты поймёшь: я людей не трачу. Я ими побеждаю.

Мстислав помолчал, и в этом молчании Станимир впервые почувал нечто, похожее на признание.

— Ещё одно, — голос посадника стал тише, утратив официальную твёрдость. — Сын у меня. Семнадцать лет. Глуп, горяч, рвётся в бой, не зная запаха требухи на снегу. Не пущу. Просто знай: он упрям. Может прийти к тебе сам.

— Придёт — разверну ворот к вороту, — отрезал Станимир.

— Хорошо, — Мстислав встал. — Именно это я и хотел услышать. И про Ладожскую купчиху... Умная девка. Держи её близко. Не в том смысле, воевода, в котором кровь играет, а в деле. Дар её нам дороже сотни мечей будет.

Буян поджидал у ворот, устроившись на ступенях крыль-

ца. Он невозмутимо жевал вяленое мясо, щурясь на вечерние огни. Увидев Станимира, встал, отряхивая крошки с бо-
роды.

— Что решили?

— Дадут половину.

— Триста сабель, значит, — Буян прикинул в уме, причмокнув. — Плюс наши. Против Ордена — капля в море.

— Капля, которая станет льдом, если ударить вовремя. Важно не выиграть войну одним махом, Буян. Важно показать, что эти «бессмертные» крестоносцы тоже пускают кровь.

Рыжий великан понимающе хмыкнул, пряча острый ум за личиной добродушного увальня.

Вечером, впервые за долгие вёрсты пути, они ужинали по-человечески. Буян, неведомо где, раздобыв кувшин доброго мёда, водрузил его в центр стола. Добрыня разломил свежий хлеб, Творимир приготовил отвар, пахнувший лесной горечью и хвоей. Светлан выложил сыр и варёные яйца.

Они сидели впятером в уютном тепле горницы. Буян поднял кружку, обвёл всех взглядом и объявил, что речь будет долгой, а кто спешит — пусть уходит сейчас.

Тост его был извилист, как лесная тропа. Начал с того самого коня Добрыни, что с достоинством ушёл в сугроб под Псковом, перешёл к размышлениям о ловушках и ямах, и закончил тем, что в любой яме важнее всего не глубина, а тот, кто стоит наверху с лопатой.

— Пьём за лопату, — Буян усмехнулся в бороду. — И за тех, кто её держит. За нас, стало быть.

Смеялись все. Даже Творимир едва заметно дёрнул углом рта, что у него означало искреннее веселье. Добрыня хохотал открыто, и Станимир с удивлением заметил, как разгладились морщины на его лице — из-под воеводской маски проглянул живой человек.

Станимир смотрел на них сквозь пар отвара. Буян, рыжий и надёжный; Творимир, знающий тени; Добрыня, испугающий вину; юный Светлан, чьи глаза горели азартом. «Бог даст — вернёмся все», — подумал он.

Запаха гари не было. Тишина Волчьего дара стояла надёжным щитом, позволяя выдохнуть.

Снежана вошла, когда хмельной мёд в корчаге пошёл на убыль, а голоса за столом сделались густыми и неспешными — так звучит речь людей, обретших тепло не только от огня, но и от взаимного доверия.

Она принесла вести от отца. Свёрток, источавший дух сушёных кореньев и горькой мази, лёг перед Добрыней — дар ладожан своему воеводе. Девушка действовала молча; движения её, скупые и точные, не знали суеты.

Светлан вскочил мгновенно. Он расплылся в своей самой обезоруживающей улыбке, привычно открывающей перед ним любые двери и сердца. Парень поспешно освободил место рядом с собой, едва не опрокинув кружку. Снежана

лишь коротко кивнула ему — без надменности, но с той вежливой отстранённостью, о которую разбивалось любое лихое кокетство. Она прошла мимо, выбрав лавку на другом конце стола, прямо напротив Станимира.

На мгновение повисла пауза, тонкая, как первый ледок. Буян, не меняя выражения лица, принялся доливать мёд. Добрыня развернул письмо, вчитываясь в неровные строки. Творимир не шелохнулся, взгляд его по-прежнему тонул в пляшущих языках пламени. Светлан, чья атака захлебнулась, на секунду замер с поднятой рукой, но тут же справился с собой. Он сел, приложился к кружке и снова втянулся в разговор, хотя в его глазах промелькнула честная, неприкрытая грусть.

Говорили о пустяках. О том, как взлетели цены на рожь в новгородских рядах, о дырявой крыше постоянного двора и о псковской репе, которую мужики умудрялись растить даже в самую лютую стужу. Это были простые, «земляные» истории — о той воле к жизни, что сильнее любого указа.

Станимир слушал, но взгляд его то и дело возвращался к Снежане. Она сидела неподвижно, и в полумраке горницы кожа её казалась почти прозрачной, отражая отсветы очага. Несколько раз их глаза встречались. В эти секунды воздух между ними густел, наполняясь невидимым жаром. То было не кокетство, а узнавание — тяжёлое, глубокое, заставляющее кровь пульсировать в висках.

Буян заметил это. Он угрюмо уставился в свою кружку,

скрывая усмешку в рыжей бороде. Светлан тоже видел, и в его глазах читалось горькое понимание: битва эта была проиграна им ещё до начала.

Снежана поднялась первой.

— Отцу пора снадобье дать, — проговорила она. Голос звучал ровно, но Станимир заметил, как дрогнули её пальцы, когда она поправляла шаль.

Она ушла, не оглядываясь. Станимир смотрел на закрытую дверь, пока Буян не нарушил тишину.

— Добрый вечер, — пробасил великан. — Такие ночи надо в памяти запирать под замок. Пока они есть.

Станимир кивнул. В словах побратима не было надрыва, лишь вековая мудрость солдата, знающего: завтрашний рассвет никому не обещан.

Расходились по одному. Творимир растворился в тенях первым. Добрыня ушёл следом, его тяжёлые шаги ещё долго отдавались в коридоре. Светлан задержался, молча собрал пустую посуду и тоже исчез за дверью, напоследок крепко сжав плечо Буяна.

Станимир и Буян остались вдвоём у догорающих углей.

— Хорошие люди, — Буян не спрашивал — утверждал.

— Да.

— Береги их, воевода.

Буян смотрел в золу, и в его голосе Станимиру почудился лязг железа, которому только предстояло прозвучать.

— Всех беречь буду, — ответил воевода.

— Знаю. И всё же — береги.

Буян встал, его огромная тень накрыла стену.

— Пора. Завтра день длинный будет.

Ночь дышала холодом. За окном в густой тьме с сухим треском лопалась древесина — мороз пробирал город до костей. Станимир лежал на жёсткой лавке, укрывшись плащом, но сон не шёл. В голове теснились образы: расчётливый Мстислав, Снежана с её знанием льда и Зигфрид — рыцарь в белом плаще, стоявший под одинокой лиственницей на берегу Чудского.

Тот разговор у озера Станимир хранил при себе, точно заряженный самострел. Зигфрид говорил скупое. Рассказал, что мать его была ладожанкой, что Орден забрал его ещё в колыбели, вытравив память о родстве молитвами и уставом. Но Псков — с его пеплом и мёртвыми богами — выжиг в рыцаре что-то важное. Сломал хребет его преданности.

Герхард не пойдёт на Новгород в лоб. Он ударит по Ладогге. Отрежет север, превратит озеро в свой внутренний двор.

— Почему ты предаёшь своих? — спросил тогда Станимир.

— Потому что мои — здесь, — ответил Зигфрид, глядя на свинцовую воду.

Волчий дар тогда молчал. Никакой гари, никакой липкой жути за загривком. Это значило одно: рыцарь не врал. Или его ложь была настолько глубокой, что смерть не признала её своей.

Станимир прикрыл глаза, пытаясь выстроить стратегию. Половина дружины. Первый бой. Ладога. Апрельский лёд, который должен стать могилой для орденской стали...

— Я видел его лицо, — голос Творимира прозвучал над самым ухом.

Станимир вскочил, рука привычно метнулась к ножу под подушкой. Волхв стоял у кровати, серый в лунном свете, точно изваяние из соли.

— Кого ты видел?

— Того, кто писал записку. Зигфрида.

Творимир говорил без тени сомнения. В его мире время не было прямой линией; лица из видений прошлого рано или поздно обретали плоть.

— Какой он?

— Светловолосый. Не мальчик, но и не старик. Двигается как зверь на охоте. Свободный. — Волхв помолчал, и следующие слова упали в тишину со свинцовой тяжестью: — Просто — наш.

Станимир выдохнул. Эти слова из уст Творимира стоили десяти клятв. То было чутьё крови, древнее, чем сам Орден.

— Спасибо.

Творимир кивнул и бесшумно вышел. Скрипнула половица у двери — единственный живой звук в застывшем доме.

Станимир снова лёг, но теперь в мыслях воцарилась ясность. Зигфрид — не просто перебежчик. Он — клинок, вогнанный ими в сердце врага.

Завтра начнётся всё остальное. Половина дружины станет целой, если он не ошибётся. Ладога устоит, если лёд предаст Герхарда.

За окном шёл снег. Город спал, укрытый белым саваном, не зная, что в эту минуту судьба его решена в тихом разговоре у догорающего очага.

ГЛАВА 4: ПЕРВАЯ КРОВЬ НА СНЕГУ

Они вышли в ночь, когда звёзды ещё кололи небо холодными иглами.

Двадцать теней скользнули в лесную гущу. Ни факелов, ни лишнего слова — лишь глухой стук копыт по мёрзлой земле да приглушённый перезвон кольчужных колец, скрытых под суконными поддёвками. Станимир чувствовал, как лес замирает, впитывая их присутствие. Тайга жадно глотала звуки, оставляя лишь пар от лошадиного дыхания, застывающий в воздухе белыми клочьями.

Отряд он подбирал придиристо и хмуро. Силачи остались в Новгороде держать стены. Здесь нужны были те, у кого в голове работал безотказный часовой механизм. Восемь псов-ветеранов, чьи лица напоминали дублёную кожу, и двенадцать новгородцев — статных, крепких, в добром железе, но с глазами, ещё не видевшими, как орденский клин превращает живую плоть в кровавую кашу. Сегодня им предстояло крещение.

Буян ехал по левую руку, сливаясь с темнотой. Его молчание было тяжёлым, веским — он принимал правила игры без лишней суеты. Добрыня держался в центре, ведя за собой ветеранов. Он знал повадки крестоносцев досконально:

по излому ветки, по глубине копытного следа, по ритму дозорных объездов. Это знание сейчас стоило дороже всех молитв.

Светлан замыкал колонну. Станимир доверил ему тыл не ради безопасности парня, а из-за его звериного слуха. Светлан умел растворяться в пространстве, становясь глазами, смотрящими назад.

Творимир остался в городе. «Не в этот раз», — бросил волхв, и спорить с ним было всё равно что доказывать что-то камню. Дар Слова — оружие капризное, на мелкие стычки его не разменивали.

Разъезд Добрыня вычислил с аптекарской точностью. Двенадцать всадников, тяжёлая конница Ордена, методично обходили южные подступы к городу. Железная машина Герхарда работала без сбоев: раз в два дня, в один и тот же час.

Место для засады было идеальным — узкий перешеек между двумя мшистыми болотами. Дорога здесь сужалась, зажата вековыми соснами, чьи корни выпирали из-под снега узловатыми пальцами. Три лошади в ряд — предел. В тесноте вес доспеха становился не защитой, а приговором.

Они спешили, отведя коней вглубь леса. Солдаты замерли за стволами, сливаясь с корой и тенями. Рассвет полз неохотно — серый, липкий, пахнувший морозом и хвоей. Лес наполнялся звуками: далёкий треск сучьев, свист ветра в вышине.

Добрыня, прижавшись плечом к шершавому стволу, едва

заметно кивнул Станимиру: — Скоро.

Станимир вдохнул. Воздух обжёг лёгкие, в горле пересохло. Запах гари пришёл раньше звуков — тонкий, едва уловимый след чужой смерти, которую Волчий дар почуял за версту. Смерть была близко. Она уже выбрала жертв, но имён не назвала. Это была самая горькая часть его ноши.

Орденский разъезд вынырнул из-за поворота через десять минут.

Впереди на вороном жеребце шёл рыцарь. Прямой, точно вросший в седло, в полных латах, отполированных до тусклого блеска. Белый плащ с чёрным крестом тяжёлыми складками накрывал круп коня. За ним — одиннадцать теней в стали. Двое с копьями, остальные — рука на рукояти меча. Они шли дозором, привычно оглядывая лес, не ожидая здесь удара.

Станимир прикинул вес лидера. Под триста фунтов железа и плоти. Конь под ним — чудовище, выведенное для того, чтобы проламывать ворота. В чистом поле такой всадник — лавина. Но здесь, среди сосен, он был просто горой металла.

Разъезд втянулся в узкое горло дороги. Станимир поднял руку. Выждал секунду, чувствуя, как сердце бьётся о рёбра. Опустил.

Удар был резким, лишённым всякого изящества.

Двое дружинников выметнулись из-за деревьев с тяжёлыми рогатинами. Они целили не в грудь, не в щит — в ноги переднего коня, туда, где кольчужная попона не прикрыва-

ла суставы. Треск ломаемых костей и хрип животного слились в один звук. Вороной жеребец рухнул, шарахнулся, теряя опору. Рыцарь не успел освободиться — двести фунтов стали обрушились на ледяную корку с грохотом, от которого, казалось, содрогнулся лес.

— Сочленения! — голос Станимира сорвался на хрип. — Подмышки! Щели! Кинжалы в глаза!

Лес взорвался.

В засаде нет места славе. Это тяжёлая, грязная работа. Хруст пробитых нагрудников, лязг стали о сталь, пар, вырывающийся из-под забрал вместе с хрипами и проклятиями.

Второй рыцарь попытался осадить коня, но сзади уже напирала свои. В тесноте воцарился хаос. Ярош, старый ветеран, тенью подскочил к всаднику слева. Топор с широким лезвием с чавкающим звуком вошёл рыцарю под мышку — в то единственное место, где металл уступал место коже и шёлковым завязкам.

Рыцарь дёрнулся, не вскрикнув, и ударил сверху вниз. Ярош вскинул щит. Удар был такой силы, что липовое дерево лопнуло, осыпав ветерана щепой, а его рука безжизненно повисла.

Станимир увидел это и похолодел. Рыцарь, с топором, торчащим из плеча, с развороченной плотью, продолжал двигаться. В его жестах не было боли, не было страха. Только холодная, механическая точность.

Благодать.

Она не была сказкой. Она была проклятием, превращавшим людей в механизмы, не знающие усталости и милосердия.

— Двое на одного! — рявкнул Станимир, врubaясь в свалку. — Наваливайтесь весом! Валите с ног!

Работа шла медленно. Каждый рыцарь был как запертая крепость. Один дружинник принимал удар на щит, гася инерцию, второй в это время искал уязвимое место: колено, шею, щель в забрале. Кровь на морозе пахла остро, металлически; она дымилась на снегу, превращая дорогу в скользкое месиво из грязи и льда. Это была бойня в тесном коридоре.

Буян держал правый фланг. Станимир следил за ним в гуще свалки, чувствуя тяжёлый, липкий холодок в груди. Медвежья мощь брата в бою преображалась. Он не рычал, не впадал в исступление — движения его стали пугающе расчётливыми. Он скупился на замахи, бил коротко, экономно, словно цедил силу по капле. Станимир подмечал это, откладывая вопросы на потом.

Рыцарь в побитых кирасах замахнулся для сокрушительного удара, но Буян подставил предплечье. Кольчуга выдержала, но сухой хруст кости отчетливо прозвучал в утреннем воздухе. Буян не поморщился. Он рванул всадника за наплечники на себя. Железная туша качнулась, теряя равновесие. Этой секунды хватило Добрыне: он скользнул за спину врага и вогнал остриё в подколенный сгиб. Рыцарь рухнул на колено. Двое дружинников навалились сверху, методично

добывая врага кинжалами.

Схватка выгорела быстро, минут за десять. Орденский разъезд перестал существовать. Пятеро остались лежать в подтаявшем кровавом месиве, трое сумели прорваться назад, вглубь тракта. Четверых взяли живьём — контуженных, раненых. Один из них, совсем ещё малец, дрожал, вцепившись в обломки древка.

Станимир скомандовал отход. Адреналин остывал, оставляя в теле свинцовую тяжесть.

— Ляско, — Станимир опустился к ветерану. Тот сцепил зубы, глядя на разрубленную ногу. Мышца висела лохмотьями, обнажая белую кость, но Ляско лишь сплюнул кровь в снег. Рядом стонал Веремей — молодому новгородцу выбило плечо, рука висела плетью. Касьян, другой юнец, мутными глазами смотрел перед собой, не узнавая своих — его шлем вмяло внутрь тяжёлой рукоятью меча.

А потом Станимир увидел Митяя.

Запах горелого мяса ударил в ноздри ещё в разгар боя, и Станимир уже тогда знал: смерть пришла за кем-то из своих. Митяй лежал, прислонившись спиной к шершавой сосне. Из бока торчало обломанное древко орденского копья. Кровь, тёмная и горячая, пропитывала старую отцовскую кольчугу с разошедшимися кольцами, которую парень всё обещал починить.

Митяй не кричал. Он смотрел в серое небо и быстро шептал. Станимир опустился рядом, сжав его холодеющую ла-

донь.

— Тихо, парень. Я здесь.

— Матушка... огород, — Митяй ловил ртом воздух, губы его синели. — У забора... земля твёрдая... лопата не берёт... подсказать надо...

Он говорил о самом важном — о доме, о весенней пахоте, о тепле. Станимир молчал, чувствуя, как жизнь утекает сквозь пальцы. Тепло руки Митяя сменялось чуждым, остывающим пеплом. Когда шёпот стих, Станимир ещё долго не разжимал пальцев.

— Несите его, — бросил он, поднимаясь. Голос его был сух. — Своих не оставляем.

Ветераны подняли тело бережно. Молодые дружинники смотрели на Митяя, и в их взглядах проступало нечто новое — первый настоящий опыт войны, который не смыть ни мёдом, ни славой.

Допрос устроили в глубине леса. Костёр давал мало тепла, дым терялся в густых кронах сосен. Пленник, юный оруженосец по имени Пауль, сидел, вжав голову в плечи. Пушок на щеках, светлые глаза, полные звериного отчаяния. Добрыня говорил с ним на западном наречии — тихо, вкрадчиво.

— Говорит, Герхард ждёт два отряда, — перевёл Добрыня, не глядя на Станимира. — Рыцари и кнехты. К концу месяца будут здесь.

— Куда ударят?

Оруженосец вздрогнул, замотал головой и быстро загово-

рил, указывая на воображаемую карту.

— Конкретно не знает. Но видел карты магистра. Новгород там обведён красным.

— Красным, — Станимир поглядел на угли. — Цвет крови.

Волчий дар снова подал знак. Тонкий запах гари поплыл от мальчишки. Смерть не стояла у него за плечом прямо сейчас, но тень её уже легла на его будущее.

— Спроси про Ладогу.

После вопроса Добрыни Пауль заговорил охотнее: — Говорит, офицеры только о Ладоге и шепчутся. Хотят перекрыть озеро с севера. Сначала Ладога, потом — петля на шее Новгорода.

— Развяжите его, — приказал Станимир. — Дайте хлеба и гоните в лес. Пусть уходит на запад.

Добрыня удивлённо приподнял бровь, но спорить не стал. Когда оруженосец, не веря своей удаче, скрылся в зарослях, Станимир проводил его долгим взглядом. Пленников, вышедших живыми, Орден не чествовал. Пауль либо сгинет в снегах, либо станет изгоем, но это был его шанс, который Станимир бросил ему, как милостыню.

Лагерь разбили у безымянного ручья. Митяя положили в стороне, накрыв плащом. Веремей шипел от боли у костра, когда к нему подошёл Светлан.

Парень действовал иначе, чем в городе. Улыбка исчезла, лицо стало сосредоточенным, суровым. Он достал свёрток с

травмами. Движения рук были точными и беспощадными — он вправил плечо Веремею одним коротким рывком. Новгородец взвыл, но через минуту уже дышал ровнее.

Затем Светлан занялся ногой Ляско. Промывал рану, накладывал листья, пахнущие болотом, и что-то негромко приговаривал — ровный, убаюкивающий поток слов.

— Откуда такие умения? — Станимир подошёл ближе.

Светлан поднял голову. В глазах не было привычного блеска.

— Матушка в деревне знахаркой была. С малых лет таскала меня с собой, заставляла руки в крови и гное марать. Учила.

— С такими руками тебе бы в тылу сидеть, — заметил Станимир. — Живее был бы.

Светлан посмотрел на пальцы, испачканные бурой кровью Ляско, и горько усмехнулся: — Мог бы. Но кто тогда их штопать будет, когда вы их под мечи подставите?

Он снова повернулся к раненому, и Станимир увидел в этом парне ту самую черту, что отделяет солдата от убийцы. Слишком хороший парень для той грязи, что ждала их впереди.

Снежана возникла из лесного марева, когда солнце уже валилось за макушки сосен. Зимние тени — длинные, антрацитово-синие — ползли по снегу. Мороз входил в вечернюю силу, заставляя воздух звенеть.

Станимир почувял её раньше, чем разглядел: одиночный перестук копыт с севера, сухой и чёткий. Рука легла на рукоять меча — привычка, вбитая в кости годами войны. Из-за деревьев вышла серая лошадь. Всадница сидела прямо, из-под меховой шапки выбивались пряди, светлые, словно иней.

— Стой, — бросил воевода дружиннику, уже вскинувшему сулицу. — Своя.

Она спешила у края лагеря — ловко, пружинисто. Взгляд её обжёгся о костры, скользнул по раненым и замер на неподвижном теле под плащом. Лицо оставалось непро- ницаемым.

— Одна? — Станимир шагнул навстречу. Голос прозвучал хрипло, с металлической ноткой тревоги. — Без охраны в такую пору?

— Везде опасно, — отрезала она. Голос был ровным, без тени девичьего трепета. — Я принесла карту льда. Отец чертил по памяти. Он тридцать зим мерил Чудское шагами. Там всё.

Девушка вытянула из-за пазухи тугой свиток бересты, пахнувший костром и сухой корой. Опустилась на колени прямо в сугроб и расправила лист. Станимир присел рядом. Их головы оказались так близко, что он почувствовал запах хвои и морозного ветра, исходящий от её мехового ворота.

— Смотри, — палец, покрасневший от стужи, уверенно заскользил по бересте. Линии неровные, но за каждой —

правда сотен пройденных вёрст. — Здесь Марковские родники. Бьют снизу, подмывают невидимо. Лёд — коварная обманка. Даже в лютый февраль не пускай туда коней. А вот тут — дно песчаное, вода стоит, промерзает до самого грунта. Держать будет до конца апреля.

Она говорила о льде как о живом существе, с которым у неё был давний уговор. Станимир слушал, и пар от их дыхания смешивался в единое облако, тающее в ночном воздухе.

— В конце апреля вот эта черта станет границей между жизнью и дном, — она провела ногтем по бересте, оставляя глубокий след. — Тяжёлый рыцарь южнее после десятого числа — риск. После двадцатого — верная смерть.

Она подняла глаза. Серо-синие, пронзительные, как само озеро в ясный день. Станимир замер, не в силах отвести взгляд. Тишина между ними стала плотной, осязаемой, заряженной током, от которого пересыхало в горле.

— Здесь промоина, забитая снегом, — Снежана первой нарушила морок, снова склонившись к карте. — Глазом не увидишь, провалишься сразу. Я пометила крестом.

— Сама нашла? — спросил он, изучая её тонкий профиль.

— Сама. Три года назад.

Она свернула бересту и протянула ему. Их пальцы соприкоснулись — короткое, обжигающее касание. Кожа её была холодной, но Станимиру показалось, что по руке пробежал разряд жара. Снежана встала, стряхивая снег с подола, и вновь посмотрела на тело Митяя.

— Сколько? — спросила она тихо.

— Один. Трое ранены.

Она едва заметно кивнула, глядя, как Светлан затягивает повязку на ноге Ляско.

— У него руки знахаря. Пальцы чувствуют беду раньше, чем глаза увидят кровь.

Станимир промолчал. Она читала этот мир так же легко, как карту льда — по шрамам, взглядам и случайным жестам.

— Тебе пора, — сказал он, сжимая свиток.

— Знаю. Завтра буду у отца.

Она взяла лошадь под уздцы и у самой кромки леса обернулась:

— Станимир. В ближайшие дни я буду на озере. Записывать приметы. Есть места, которых нет на этой карте. Когда придёт срок — скажи мне.

Силуэт растаял в сумерках, и лишь затихающий топот напоминал о её присутствии. Буян бесшумно вырос за спиной воеводы, глядя вслед всаднице.

— Хорошая карта, — басовито обронил побратим.

— Лучшая.

— И девка стоящая. Редкая.

Станимир не ответил, но желваки на его лице дрогнули. Буян, ухмыльнувшись в бороду, ушёл к огню.

В Новгород возвращались под покровом ночи. Митяя везли на носилках — скорбная кладь, требующая тишины. Станимир замыкал отряд, вслушиваясь в шёпот леса. Дар не

молчал: в ноздрях стоял застарелый запах горелого, эхо уже совершившейся смерти.

До городских ворот оставалось не более трёх вёрст, когда из густой тени елей выступил человек в глубоком капюшоне. Он не преграждал путь, просто стоял, словно был частью самого леса. Дружинники насторожились, но Станимир властным жестом велел продолжать движение, а сам осадил коня.

— Получил весть из крепости? — голос незнакомца был негромким, с едва уловимым западным акцентом.

— Кто ты? — спросил воевода.

— Тот, кто её написал.

Человек откинул капюшон. Лунный свет выхватил острое лицо, светлые волосы и холодный, охотничий блеск глаз. Зигфрид. Охотник Ордена, ставший дичью.

— У тебя мало времени, — быстро заговорил перебежчик. Каждое слово — как удар молота. — Герхард выступает через три недели. Я нарочно отстал от разъезда. Слушай.

Зигфрид шагнул ближе, и Станимир уловил запах конского пота и оружейного масла.

— Основной удар — не на Новгород. Сначала Ладога. Он хочет выжечь северный берег, перекрыть озеро. Если Ладога падет, Чудское станет прямой дорогой. Они ударят в спину одновременно с фронтальной атакой.

Станимир сжал поводья. Стратегия магистра обретала кровавые контуры.

— Почему ты говоришь это мне? — спросил он, глядя

рыцарю в глаза.

Зигфрид помедлил. Лицо его на миг исказилось, словно от старой боли.

— Моя мать была из Ладоги.

Дар воеводы молчал. Ни тревоги, ни гари. Перед ним стоял человек, который уже всё для себя решил.

— Где искать тебя?

— Я сам приду, когда узнаю час выступления.

Зигфрид отступил в тень, и лес мгновенно поглотил его. Станимир тронул коня, догоняя своих. Впереди маячили стены Новгорода. Город дышал дымом, ещё не подозревая, что отсчёт начался. Три недели. Арифметика была жестокой: один убитый, трое раненых — и целая вечность до апреля.

Ворота со скрипом распахнулись. Станимир въехал в город. Война больше не была планом на бумаге. Она стала плотью, кровью и запахом остывающей бересты в его руке.

ГЛАВА 5: СВЕТЛАН

Утро выдалось тихим. Настолько, что стало слышно, как осевшие пласты снега сползают с еловых лап — медленно, грузными клочьями, с едва уловимым шорохом. Они падали в сугробы, оставляя мягкий, глухой звук, похожий на сонный вздох леса. Февральская стужа за ночь отступила, воздух обрёл иную плотность: исчезла колючая, сухая резь в горле, уступив место густому духу живицы и подлёдной воды. Зима всё ещё стояла крепко, но в самой её сердцевине уже таилось знание о неизбежном исходе.

Снежана сидела у окна. В руках золотился пучок засушенного тростника, привезённого с ладожских берегов. Стебли — длинные, упругие; стоило согнуть их чуть резче, как они отзывались тонким, предостерегающим свистом. Пальцы девушки двигались в размеренном, почти сакральном ритме: три стебля накрест, прижать большим пальцем, перекинуть правый через средний. Петля, захват, натяжение. Оберег рождался из памяти тела, из того древнего знания, что течёт по жилам и не требует подсказок разума.

Светлан, сидящий напротив, глаз не сводил с её рук. В его взгляде читалось жадное смирение, с которым смотрят на недостижимое мастерство. Свои три стебля он сжимал с таким усердием, точно пытался удержать скользких угрей.

— Не дави, — не поднимая головы, произнесла знахарка.

Голос её звучал мягко, подобно тающему снегу. — Большой палец лишь направляет. Чувствуешь?

— Чувствую.

Он прикусил кончик языка — верный знак предельного сосредоточения. Попробовал перекинуть стебель, но сухой тростник коварно вывернулся из пальцев и с сухим стуком упал на половицы.

— Вот и всё, — констатировал парень с напускной серьёзностью.

Снежана вскинула взгляд. Увидев, с каким сокрушённым видом он взирает на беглеца, она не выдержала. Смех брызнул внезапно, коротким и чистым колокольчиком. Она смеялась редко — не из угрюмости, а бережливости ради, — но сейчас плотина рухнула.

Светлан посмотрел на неё, и на его лице расцвела та улыбка, что казалась врождённой, неотъемлемой, как цвет ясных глаз.

— Ну вот, — выдохнул он. — Теперь мне не так обидно за свой позор.

— Смотри ещё раз, — Снежана вновь стала серьёзной, но в уголках глаз затаились тёплые искры. — Большой — здесь, два других внахлёст. Медленно, потяжкой.

Светлан повторил движение. На этот раз тростник подчинился, хотя узел вышел на диво кривым. Он оглядел свой труд с торжеством воина, только что одолевшего в поединке матерого супостата.

— Держится, — доложил он.

— Почти.

— «Почти» — это уже победа. Вначале он меня вовсе за человека не считал.

Буян стоял по ту сторону окна, привалившись плечом к бревенчатой стене под навесом. Он грел озябшие ладони о кружку с горячим сбитнем, наблюдая за ними сквозь мутное, подёрнутое изморозью слюдяное оконце. Смотрел просто, как смотрят на огонь в очаге после долгого перехода.

«Молодые, — шевельнулось в мыслях. — Живые».

В них не было тех надломов и трещин, что оставляет война на лицах и душах. Они казались цельными, нетронутыми тленом, и в этом утреннем свете их близость выглядела чем-то правильным, незыблемым.

Тростник снова соскользнул. Светлан расхохотался, и Снежана подхватила этот смех. В этот миг Буян почувствовал, как в груди разливается забытое тепло. Он допил сбитень, отлепился от стены и зашагал прочь. Утро действительно обещало быть добрым.

К колодцу они пошли вместе. Светлан перехватил девушку на подворье, когда она уже приладила коромысло. Он не стал рассыпаться в вежливости — просто подошёл и забрал тяжёлую ношу, пока она не успела набраться инерции.

— Я сам.

Снежана взглянула на него — секунда сомнения, миг оценки — и разжала ладони.

Они двинулись по узкой улочке. Снег здесь был истоптан сотнями подошв: дружинники, торговцы, случайный люд. Светлан нёс вёдра привычно, коромысло лежало на широких плечах как влитое — сказывалась деревенская выправка, вбитая в плоть с малых лет.

— У тебя дома огород большой? — неожиданно спросила Снежана.

— Средний, — он покосился на неё с лёгким недоумением. — Мать заправляет. Репа, лук, морковь... Капуста у нас славная, земля жирная, её любит. А тебе зачем про огород?

— Просто так. Вспомнилось.

— А... ну да. Средний он, — Светлан замялся, словно подбирая слово поважнее. — Добрый огород. Мать говорит, земля — она живая, с ней разговор вести надобно.

— И вправду говорит?

— С грядками-то? — Светлан усмехнулся. — Ещё как. По утрам, пока роса не сошла, поливает и шепчет что-то. Я малым подслушивал. Она чуяла, конечно, но виду не подавала.

Снежана слушала, и в этих простых словах о капусте и материнском шёпоте ей виделось нечто большее, чем праздная беседа. В городе говорили о звонкой монете, о чести и о том, сколько голов снесёт орденский меч. О живой земле здесь помалкивали.

— Брат у тебя... Данилко? — она вспомнила имя.

— Он самый. Тринадцать вёсен. Рвётся в сечу, дурень, — голос Светлана посуровел, в нём прорезались взрослые, опе-

кунские нотки. — Написал ему: сиди дома, мал ещё железом махать.

— А ты не мал?

Он остановился, одарив её быстрой, шальной усмешкой.

— Мне девятнадцать.

— Я знаю.

— Ну вот. В девятнадцать человек уже за свою голову сам отвечает.

Дошли до колодца. Светлан опустил вёдра и взялся за ручьять ворота. Скрип несмазанного дерева резанул по ушам. Парень нашёл взглядом заспанного колодезного смотрителя в дверях соседней избы, придавил его тяжёлым взором, и тот поспешно скрылся внутри.

— Ты вернёшься? — спросила Снежана. — Когда всё закончится.

Светлан перестал крутить ворот. Посмотрел на неё прямо, без тени привычного лукавства.

— Обязательно. Матери слово дал.

Сказал так, словно констатировал восход солнца. В этом не было ни бахвальства, ни юношеской слепоты. Мир был устроен просто: если дал слово матери, земля тебя удержит и вернёт.

Снежана молча кивнула. Светлан наполнил вёдра, подхватил коромысло и зашагал обратно, негромко насвистывая незатейливый мотив, который сам же выдумал на ходу.

Зигфрид ждал Станимира в кузнечной слободе. Место

было выбрано не случайно. Здесь воздух вибрировал от грохота молотов, рёва мехов и яростного шипения калёной стали, погружаемой в ледяную воду. В этом вечном шуме слова вязли, как мухи в меду; здесь можно было говорить в полный голос, не опасаясь чужого уха.

Зигфрид стоял у забора, заворожённо глядя на работу местного мастера. В его позе не было праздности — это был взгляд профессионала, оценивающего чужой замах.

— Добрый кузнец, — произнёс рыцарь, не оборачиваясь. Голос его, хоть и обрёл северную твёрдость, всё ещё сохранял едва уловимый западный напев. — Бьёт от плеча, вес молота использует, а не жилы рвёт. Долго сдюжит.

— Ты и в этом толк знаешь? — Станимир встал рядом.

— В Ордене учат всему, что помогает выжить в поле, — Зигфрид повернулся. Его глаза, светлые и холодные, смотрели цепко. — Говорить будем?

— Будем.

Они ушли вглубь двора, спрятавшись за высокую поленницу свежесрубленных берёзовых дров. Зигфрид заговорил без обиняков, и Станимир слушал его так, как слушают шёпот смерти: затаив дыхание и ловя малейшее колебание интонации.

Мать рыцаря была северянкой. Зигфрид не помнил её лица. Двадцать лет назад её, молодую и беззащитную, взял силой орденский рыцарь во время одного из первых набегов. Она умерла родами, не оставив сыну даже имени — только

кровь, которая теперь начала бунтовать. Младенца забрали в Орден. Это было обычным делом: воспитывать детей покорённых как своих псов, вбивая в них веру в Белого Бога и латынь вместо колыбельных.

Зигфрид рассказывал об этом без надрыва, с пугающим спокойствием человека, который давно похоронил в себе жалость.

— Я верил им, — признался он. — Верил долго. Был верным клинком, не трогал безоружных, не брал лишнего. Герхард ставил меня в пример.

— И что же надломилось?

— Псков, — Зигфрид помолчал, желваки на его лице заходили ходуном. — Я видел капище. Обугленные брёвна, пепел... И старуху. Она стояла на пепелище и просто смотрела на угли. В её глазах было такое безмолвие, что я вдруг увидел в ней свою мать. Понял, что это её Богов мы жжём. И её кровь течёт во мне.

Станимир молчал, чувствуя, как между ними натягивается невидимая струна.

— Кровь до поры до времени молчит, — негромко добавил Зигфрид. — А потом просыпается и требует своего.

— Герхард знает, где ты?

— Знает, что я отстал. Пока верит, что конь захромал. Но это ненадолго. У меня мало времени, Станимир. Если поймут, что я переметнулся — пошлют охотников. Они своё дело знают.

— Чего ты хочешь?

Зигфрид поднял взгляд. В его глазах отразилось серое новгородское небо.

— Я хочу, чтобы Ладога не горела.

Станимир верил ему. Волчий дар молчал, не предвещая беды от этого человека. Зигфрид не был врагом. Он был тем самым «своим», о котором твердил Творимир.

— Останешься в городе?

— Пока — да. Есть знакомый кузнец, из наших, осевших. Он лишних вопросов не задаёт.

Зигфрид сделал шаг ближе, голос его упал до шёпота:

— Слушай внимательно. Герхард идёт к Ладоге с юга, по плоскогорью. Его цель — захватить берег, пока лёд ещё крепок. Если озеро станет плацдармом, он ударит Новгороду в тыл.

— Когда выступление?

— Три недели. Край — месяц, если обозы застрянут.

— Я найду тебя, — пообещал Станимир.

— Не нужно. Я сам дам знак, — Зигфрид протянул клочок бересты. — Приходи сюда один, если что-то изменится.

Они разошлись мгновенно, затерявшись в толпе кузнечной слободы. Грохот молотов продолжал сотрясать воздух, поленница дров надёжно хранила тайну их сговора. Станимир сжал бересту в кулаке.

Торговый двор, раскинувшийся в трёх кварталах от во-

еводских палат, встретил Светлана привычным гомоном. В полдень здесь не протолкнуться: ржали кони, скрипели несмазанные оси телег, а в морозном воздухе мешались густые духи сырой кожи, вяленой рыбы и свежего древесного спила. Где-то в углу разбился бочонок с патокой, и приторная сладость липла к ноздрям, споря с тяжёлым смрадом конского навоза.

Светлан пробирался сквозь толпу, придерживая кошель. Поручение Станимира — разузнать цену на светильное масло да выторговать бочонок на неделю вперёд — казалось обычным делом. Обычная тыловая суета. Проходя мимо рядов, он поймал себя на мыслях о Данилке: надо бы черкнуть брату ещё раз. Справляется ли мать? Не занесло ли избу снегом по самую застреху?

Орденских он заметил сразу. Четверо. Они вошли через главные ворота уверенным шагом людей, привыкших, что толпа расступается сама собой. Белые плащи слепили глаза, на поясах погромыхивали тяжёлые мечи, у одного на плече покоилась секира. Это не был простой дозор. Светлан нутром почуял угрозу по тому, как они шарили глазами по рынку — хищно, прицениваясь к добыче.

— Эй! Стой, крыса! — рявкнул один, хватая за рукав добротной шубы пожилого купца-пушника.

Двор задохнулся. Гул стих, сменившись испуганным ропотом. Люди пятились, вжимая головы в плечи, старательно изучая собственные сапоги или щербатый лёд под ногами.

Древний инстинкт — не смотри, не ввязывайся, и, быть может, беда пройдёт стороной.

Светлан замер. Он увидел Снежану у дальнего ряда. Девушка стояла неподвижно, прижимая к груди небольшой узелок. Лицо её побелело, но орденские уже заметили светлую косу и статную фигуру. Один из них коротко бросил что-то напарнику и похабно осклабился. Они двинулись к ней.

«Нет».

Тело сработало быстрее мысли. Светлан рванул наперерез стремительным, перетекающим шагом и встал между девушкой и латниками. Рыцари затормозили, глядя на него свысока — юнец, без доспеха, едва ли не на голову ниже каждого из них.

— Брысь, щёнок, — процедил один, кладя ладонь на эфес.

— Нет, — выдохнул Светлан.

Мир растянулся в тягучую смолу. Первый рыцарь ударил сверху, вкладывая в замах весь вес стального доспеха. Светлан качнулся влево, пропуская лезвие мимо уха. Его правая рука, с детства знавшая вес стали, совершила выверенный рывок. Короткий клинок вошёл точно в подбородок, под козырёк шлема, в узкую щель, где плоть не защищена металлом. Хрустнуло. Рыцарь захлебнулся криком и рухнул, загремев железом о лёд.

Второй оказался мастером. Он не полез на рожон, взял меч в обе руки, чуть согнул колени — классическая стойка

Ордена. Ждал ошибки. Светлан сделал ложный выпад вправо, намеренно раскрываясь, подставляя плечо. Латник купился, выбросил клинок вперёд. Светлан ушёл с линии атаки раньше, чем сталь коснулась рубахи, и ударил плоско, наотмашь по забралу. Удар оглушил врага, тот пошатнулся, оседая в грязь.

Снежана уходила вдоль стены — Светлан видел это краем глаза. Хорошо. Беги.

Третий был самым опасным. Он не спешил, обходил полукругом, срезая углы и лишая противника пространства. Юноша прижался спиной к кирпичной кладке — так не ударят сзади. Рыцарь замахнулся. Светлан вскинул клинок для блока, уходя в сторону. Всё шло верно, всё было рассчитано до доли секунды, кроме одного.

Старая кольчуга под мышкой, которую он всё не находил времени починить, разошлась. Четыре кольца лопнули, открывая узкую полоску ткани. Лезвие вошло мягко, почти без сопротивления.

Сначала Светлан почувствовал не боль, а сильный толчок в бок, будто его ударили поленом. Потом пришёл обжигающий жар. Ноги подогнулись против воли. Он не упал — стена поддержала его, и он медленно сполз по холодному кирпичу, оставляя на нём тёмный след.

Снежана не ушла. До слуха донёсся звонкий лязг, а следом — глухой стук падения. Девушка подобрала оброненное копьё первого рыцаря и наотмашь ударила третьего тупым

концом древка по затылку. Тяжёлый шлем не спас — латник ткнулся лицом в снег.

Она опустила рядом со Светланом. В её серо-синих глазах застыла безжалостная правда — та, что не терпит споров.

— Оберег... не успел, — прохрипел он, пытаясь улыбнуться.

Снежана ничего не сказала. Пальцы её дрожали, когда она выудила из кармана несколько стеблей сухого тростника. Прямо здесь, в грязи торгового двора, она начала плести. Быстро, лихорадочно. Три стебля накрест. Зажим. Перехлест.

— Красивые... руки, — выдохнул Светлан, наблюдая за её танцем.

— Молчи, — шепнула она.

Оберег ложился кольцо к кольцу — правильный, ладожский, оберегающий в пути.

— Я ведь... почти научился утром, — голос становился всё тише, слова путались с паром от дыхания.

Последний узел. Снежана положила плетёное кольцо ему на грудь, поверх окровавленной кольчуги.

— Готово.

Светлан улыбнулся, и в уголках губ запузырилась тёмная влага. Он закрыл глаза, чувствуя её ладонь в своей. Снежана знала это чувство. Живое тепло пульсировало, как весенний ручей, но течение замедлялось. Она помнила, как это было с матерью: толчки крови становились редкими, вода замирала,

превращаясь в стоячее озеро, а затем — в лёд.

Рука Светлана была ещё тёплой, но это тепло уходящего костра. Она держала его пальцы, глядя на лицо — мальчишеское, с едва заметными ямочками на щеках. Три дня до родной деревни. Мать, ждущая у калитки. Огород, который надо перекопать по весне. Обещание, которое он не сможет сдержать.

Торговый двор замер. Немногие оставшиеся смотрели издалека, боясь подойти. Снежана не видела их. Она чувствовала, как последняя искра в его ладони гаснет. Она отпустила его руку и медленно встала. Лицо превратилось в каменную маску, кулаки сжались так, что ногти вонзились в ладони. Кричать было бессмысленно. Дар Воды не ошибается, а смерть не слушает оправданий. Она поправила оберег на его груди и, не оглядываясь на поверженных рыцарей, пошла прочь.

Станимир пришёл через час. Он пробирался с другой окраины, ещё не зная о случившемся, но Дар ворочался внутри, подавая дурные знаки. Воздух изменился: в нём проступила гарь, эхо беды, пахнущее остывшей золой и железом. Воевода ускорил шаг. Торговый двор он узнал по застывшим у ворот людям. Стоило приблизиться, как толпа безмолвно расступилась.

Буян стоял в дверях низкого склада, куда отнесли Светлана. Великан застыл в проёме, точно обломок скалы, принявший удар тарана: не дрогнул, но в каждом изгибе его могу-

чих плеч читалось запредельное напряжение.

Снежана сидела рядом с телом. Прямая спина, ладони на коленях, лицо — камень. Слёзы приходят позже, когда схлынет первая волна оцепенения. Сейчас внутри неё царила мертвенная пустота.

Станимир вошёл бесшумно. Опустился на солому рядом с ней — плечом к плечу, деля тяжесть безмолвия. Светлан лежал под заляпанным грязью плащом. Поверх грубой шерсти темнел тростниковый оберег. Снежана сплела его безупречно — петля к петле, узел к узлу. Станимир не знал этого ремесла, но видел в прутьях завершенность вещей, созданных на пороге вечности.

— Он хотел меня защитить, — голос Снежаны прозвучал тихо, лишённый всякой интонации. — Я должна была уйти раньше.

— Он бы всё равно встал, — отозвался Станимир. Голос его звучал хрипло, словно скрежет песка по металлу.

— Я знаю. От этого не легче.

— Нет. Легче не будет.

Буян вошёл, когда последние отсветы заката погасли. Он долго стоял над пареньком, и его лицо, обычно добродушное, теперь казалось высеченным из тёмного гранита. Взгляд — беспросветная тьма.

— Я убью того, кто это сделал, — произнёс Буян. Слова упали тяжело, как комья земли на крышку гроба. — Обещаю.

Он повернулся к Станимиру. Воевода чувствовал, как под кожей побратима kloкочет раскалённое железо.

— Вальтер. Так зовут воеводу, что приказал резать. Он сейчас в псковском подворье. Я знаю, как пройти за стены.

Станимир смотрел на него, читая холодный, выверенный расчёт. Буян не предлагал — он ставил перед фактом.

— Нет, — отрезал Станимир.

— Не сейчас, друг, — добавил он, видя, как взгляд побратима стал тяжелее. — Придёт время. Для всего.

Буян медленно кивнул. Решение не погасло, оно лишь ушло вглубь, затаилось, как зверь в засаде. Вальтер. Теперь это имя встало в один ряд с теми, за кого придётся платить кровью.

Снежана поднялась. Она казалась старше на целую жизнь. Взяв оберег в ладони, она согрела его последним теплом и вернула на грудь Светлана. Посмотрела на Станимира — долгий, пронзительный взгляд, в котором не было мольбы, только усталое знание. Затем вышла в сумерки.

Станимир остался один. Дар окончательно затих, оставив саднящую пустоту. «Светлан. Мать. Данилко. Капуста в огороде». Он перебирал эти обрывки чужой жизни, ставшие теперь его ношей.

Он вышел наружу, плотно притворив дверь. Город дышал огнями и дымом. Кто-то смеялся в переулке, не зная, что мир стал на одну искру беднее. Так всегда: тысячи людей живут, пока один умирает из-за лопнувшего кольца на кольчуге, ко-

торую поленились починить в срок.

Это была вторая смерть, за которую он нёс ответ. Митяй. Теперь — Светлан. Станислав шёл по скрипучему снегу, и в кармане словно лежал тяжёлый камень. Впереди были три недели. Имя Вальтер жгло память. А перед глазами всё стоял утренний тростник, выскальзывающий из неловких, живых пальцев.

ГЛАВА 6: «ЛАДОЖСКАЯ ЗАПАДНЯ»

В Ладогу они вошли на излёте третьего дня, когда расцветное солнце едва пробивалось сквозь сизую хмарь. Город встретил их тяжёлым духом вяленой рыбы, печным дымом и недобрым скрипом воротных петель. Снежане здесь всё было родным — каждый изгиб береговой линии, каждый причал, пахнувший тиной и старым деревом. Но сегодня Ладога казалась чужой. Из щелей, притворенных ставень на них, смотрели настороженно, с тем затаённым холодком, что возникает у людей, почуявших приближение большой беды. Слухи из Пскова летели быстрее конных разъездов. Горожане не спрашивали, придёт ли враг, — они безмолвно гадали, когда это случится.

Станимир окинул взглядом крепкие приземистые склады, добротные пятистенки и высокий частокол. Торговый город, сытый, раздобревший на купеческих солях. Это было и силой, и слабостью. Тем, кому есть что терять, легче стоять насмерть, но среди них всегда найдутся те, кто уже начал прикидывать на весах: жизнь или мошна? Девятнадцать дней. Зигфрид ошибся, разведка сработала чище — человек из лесной чащи донёс верную весть. У них не было трёх недель. Оставалось чуть меньше трёх седмиц.

— Где здесь ставить засеки? — Станимир обернулся к Зигфриду.

Рыцарь смотрел на посад не как гость, а как ремесленник войны. В его глазах отражались не избы, а углы обстрела и мёртвые зоны.

— Южные ворота — твоя беда, — голос Зигфрида прозвучал сухо, с треском ломаемого наста. — Дорога с плоскогорья падает к ним по прямой, ни вала, ни речки. Герхард карты знает, он ударит в лоб. Восточная стена прикрыта хлябью. В марте болото ещё держит пешего, но тяжёлый рыцарский конь там захлебнётся. Значит, оттуда жди только кнехтов.

— Весь напор — на юг, — подытожил воевода.

— В самую челюсть, — подтвердил Зигфрид.

Двое суток Станимир не смыкал глаз дольше, чем на краткий, тяжёлый провал в четыре часа. Зигфрид раскладывал орденскую тактику, словно кузнец, разбирающий заевший замок. Его знание стоило сотни лазутчиков. Он рисовал на бересте их «свинью» — железный клин, где в челе идут трое, а каждый следующий ряд ширится, наращивая массу. Профессиональная машина, созданная проламывать строй на равнине и безнадёжно вязнущая на косогорах и в тесноте. Он объяснял природу «благодати»: она не вечна, она вытекает из рыцаря, подобно крови из открытой раны. Опытный капитан не бросит истощённых в погоню — он бережёт первый, сокрушительный удар.

Дружинники принимали перебежчика по-разному. Пятидесятник Ярош, ветеран с тяжёлым взглядом и привычкой ласкать топорище, слушал орденца с той предельной бдительностью, что заменяет умным людям ненависть. Ярость застит взор, а настороженность оттачивает слух. Молодёжь же дышала открытой враждой — белый плащ, пусть и снятый, жёг им глаза. Станимир не давил, лишь следил, чтобы искры не переросли в пожар. И только Добрыня смотрел на Зигфрида с пониманием, горьким, как полынь.

— Я верю ему, — обронил Добрыня однажды вечером, когда они остались в тени воеводской избы.

— Отчего так? — Станимир не оборачивался, изучая план укреплений.

— Лицо у него было знакомое, когда про капище поминал. — Добрыня помолчал, ковыряя заусенец на мозолистой ладони. — У меня такое же в зеркале отражалось, когда понял, что мы со Псковом натворили. Одно в одно.

На рассвете третьего дня Снежана пришла к нему сама. Станимир обходил посты в предрассветной сини, вдыхая колкий воздух и слушая переключку дозоров. Она ждала у ворот в овчинном тулупе и меховой шапке, прижимая к груди берестяной свиток — карту подлёдных течений.

— Рано ты, — заметил он, остановившись.

— До полудня ляжет туман. Глухой, в нём утонешь, — Снежана смотрела на него снизу вверх, и в её зрачках отражалось ещё тёмное небо. — Ты должен озеро ногами вы-

учить, Станимир. На карте лёд везде ровный, а на деле у каждой промоины свой характер.

Он помедлил и кивнул. Они вышли на лёд, когда звёзды на западе начали гаснуть. Туман стлался низко, путаясь в ногах белыми космами. Берег растаял позади через двадцать шагов, и мир сузился до пространства между ними. Здесь не было войны, не было лязга стали — только глухой рокот льда под сапогами и чистое, холодное дыхание бездны. Снежана шла впереди, Станимир ступал след в след, не сводя с неё глаз. Она двигалась странно: прислушивалась подошвами. Её дар работал без слов — она чуяла невидимые глазу трещины, слышала шёпот родников, подмывающих панцирь озера даже в лютые морозы. Иногда девушка замирала, сбрасывала рукавицу и опускалась на колено, прижимая ладонь к прозрачной черноте льда. В эти мгновения её лицо преобразалось. Исчезала привычная броня сдержанности. Черты смягчались, веки подрагивали — она была открыта, беззащитна и подлинна.

«Вот она какая... настоящая», — подумал Станимир.

Снежана открыла глаза и наткнулась на его взгляд. Не отвела, не смутилась. Секунду они просто смотрели друг на друга в молочной пустоте.

— Тут родник, — она поднялась, отряхивая колено. — Забирай левее, шагов пять. Сейчас держит, но в марте здесь только поодиночке проходить, и то бегом. Конного не снесёт.

— Запомнил.

— У тебя ни бересты, ни угля.

— В голове запишу. Крепче будет.

Она скупо кивнула и повела дальше. Говорила чётко, как воин на совете: здесь дно песчаное, промерзает до самого грунта — хоть войско веди. Там промоина, припорошенная снегом, коварная ловушка. К югу от той гряды после двадцатых чисел апреля для рыцаря в латах — верная могила. Они остановились в самой середине озера. Туман сомкнулся вокруг плотным коконом. Ни земли, ни неба — только двое людей на ледяном щите.

— Красиво здесь, — негромко произнесла Снежана, глядя в белое никуда.

— Красиво, — отозвался он.

Тишина стала осязаемой. Пар от дыхания поднимался вверх, смешиваясь в одно облако. Снежана медленно повернулась.

— Холодно? — голос Станимира прозвучал глухо.

— Нет, — ответила она, и в этом коротком слове было всё: признание, ожидание, боль.

Он шагнул ближе. Девушка не шелохнулась. Станимир поднял руку и коснулся её щеки. Контраст обожжённой морозом кожи и жаркой ладони заставил её вздрогнуть. Снежана прикрыла глаза, на мгновение прильнув к его руке, позволяя себе слабость в сердце туманного безмолвия.

— Пора назад, — шепнула она. Прямота её взгляда была обезоруживающей.

— Пора, — согласился он, но руки не убрал.

Они стояли ещё мгновение, вдыхая общую прохладу. Затем она развернулась и зашагала к берегу — ровно, не оборачиваясь. Станимир задержался на миг, глядя на их следы на свежем насте. Две цепочки, идущие бок о бок, тянулись в белую мглу. Одна дорога на двоих. Он двинулся следом, стараясь не сбивать ритм её шагов.

Орден пришёл на четвёртый день, на рассвете, со стороны полуденных земель. Разведка допустила промах — Станимир осознал это, когда дозорный ввалился в ворота ещё в предрассветной сини. Конь под всадником шатался, роняя кровавую пену, копьё было расщеплено. Герхард выступил раньше, не дожидаясь обозов. Либо подкрепление перемахнуло рубеж форсированным маршем, либо магистр решил, что Ладога падёт под натиском тех сил, что были под рукой. Оба расклада сулили беду.

Станимир считывал поле боя, пока вестник, хрипя, выплёвывал слова вместе с морозным паром. Левый фланг у южных ворот зиял пустотой — засеку там не успели достроить. В центре замерла щитовая стена: две сотни дружинников, вросших сапогами в обледенелую землю. Справа затаился Зигфрид с сорока ладожанами, восточную стену подпирали бойцы Буяна.

— Левый край, — Станимир обернулся к Добрыне, чьи пальцы до белизны сжимали топорище. — Слышишь?

— Слышу, воевода.

— Отдаём его. Намеренно. Ров там забит валежником и присыпан свежим пухляком — с коня не разглядеть. Когда их клин завязнет, бей в бочину. У тебя десять мужиков, целься в сочленения и лошадиные пахи.

Добрыня скупно кивнул.

— А ежели проскочат?

— Не проскочат, — отрезал Станимир. — Первые четыре ряда лягут костями. Нам хватит этого мига.

Воевода поднялся на стену. На юге, за дорогой, уходящей в плоскогорье, вставало белое марево. Снежная пыль. Много. Идут.

С высоты было видно, как орденская колонна разворачивается в боевой порядок. Пехота в центре — серая масса кнехтов, прикрытая лесом копий. Конница на флангах — железные треугольники, набирающие инерцию. Тяжёлые де-стриэ выбивали из наста ледяную крошку, храп зверей сливался в единый гул. Их левое крыло клюнуло на приманку. Рыцари увидели прореху в обороне и пошли в карьер. Двести фунтов калёной стали на звере — это не плоть, это осадный таран. Он не сражается, он перемалывает, ломая щиты в щепу. Единственный способ выжить — не стоять.

Первые ряды Ордена ухнули в ров. Звук был страшный: сухой хруст ломающихся ног, сдавленный рёв животных. Те, кто шёл следом, не успевали осадить коней. Рыцари вылетали из сёдел, точно тяжёлые снаряды, впечатываясь в сугробы. В полном доспехе встать из рыхлого снега — дело дол-

гое. Строй рассыпался, превращаясь в свалку из бьющихся коней и лязгающего железа.

Рабочий хаос. Добрыня выкатился из-за угла через сорок секунд. Его десяток работал споро: длинные зацепы выдёргивали всадников, топоры находили щели в забралах и подмышках.

В центре сталь встретилась со сталью. Щитовая стена Ладуги гнулась, но не лопалась. Первый ряд принимал удары на дерево и кожу, второй колол поверх плеч, целя в горла. Но когда пехота Ордена расступилась, пропуская вперёд латников, Станимир понял: начнётся жатва. Физику не обманешь — инерция движущегося железа неизбежно прошьёт мясо.

— Щиты врозь! — гаркнул Станимир, срывая голос. — Дайте им войти!

Строй разошёлся, словно вода перед килем драккара. Рыцари, уже не способные сбросить скорость, влетели в коридор, и ловушка захлопнулась. Щиты сомкнулись за их спинами. В тесноте длинные мечи стали бесполезны. Это была грязная, долгая работа. Трое-четверо дружинников на одного «белого». Ладожане гибли, но рыцари медленно тонули в человеческой трясине. Пятеро из своих остались на снегу навсегда. Станимир считал каждого.

На востоке решалась судьба. Буян встретил тех, кто отважился пройти через болота. Двое рыцарей всё же пробились на твёрдую почву и пошли в атаку. Буян принял удар,

вложив в сопротивление треть своей нечеловеческой силы. Один всадник вылетел из седла, будто получил удар стенобитным бревном. Второго великан перехватил за наруч. Металл скрежетал, деформируясь под его пальцами. Рыцарь бился, словно пойманная птица, но хватка Буяна не знала колебаний. Ярош закончил дело коротким ударом в щель шлема.

После боя Буян сидел на обломке камня. Его рука, принявшая вес скачущего коня, подрагивала, в суставе сухо похрустывало. Он не смотрел на травму — взгляд был прикован к земле, усеянной телами. Добрыня опустился рядом. Долго молчали, вдыхая густой запах крови и остывающего железа.

— Видал берсерков в Пскове, — тихо произнёс Добрыня, глядя на свои окровавленные обмотки. — До того как город сдали. Они не знали удержу. Даже когда стоило остановиться.

Буян медленно повернул голову. В его глазах отражалась усталость прожитых веков.

— Знаю, — глухо отозвался он.

Добрыня ушёл к раненым, а воевода так и остался сидеть, неподвижный, подобно каменному идолу среди тающего красного снега.

Ночью Снежана врачевала Станимира. Тонкая свеча оплывала на столе, бросая длинные тени. Порез на предплечье оказался неглубоким, но злым — враг достал его в паде-

нии, чиркнув лезвием. В горячке боя Станимир не чувствовал боли, лишь влагу, пропитавшую рукав.

Снежана работала молча. Её пальцы, прохладные и точные, порхали над раной. Она промыла плоть, наложила пахучую мазь из трав и туго затянула чистый холст. В полумраке волосы девушки казались сотканными из инея — белое, потустороннее сияние Дара Воды.

— Тебе не следовало здесь оставаться, — негромко сказал Станимир, наблюдая за её движениями.

Она закрепила узел и лишь тогда подняла на него взгляд.

— Ладога — мой дом.

— Знаю. Но смерть не разбирает, где чей порог.

Она не убрала рук. Её ладони продолжали лежать на его перевязанном предплечье.

— И ты — моё дело, — произнесла она.

В голосе не было кокетства — лишь сухая констатация факта. В тишине комнаты слышалось только дыхание, сливающееся в единый ритм. Станимир накрыл её ладонь здоровой рукой. Снежана не отвела взгляда. В её глазах читалось смирение перед грядущим.

Снаружи проскрипели шаги дозорных, донёсся приглушённый смешок сменщика, и вновь всё стихло. Снежана медленно отстранилась, встала, поправляя платье.

— Завтра будет тяжёлый день.

— Рано начнём, — кивнул он.

Она вышла, на мгновение задержавшись в дверном про-

ёме, но не обернулась.

Станимир остался один. Он смотрел на белую повязку, размышляя о том, что Герхард не станет долго осаждать стены. Магистр предпочитал быстрые, сокрушительные решения. Значит, ждать нельзя. Следующий ход за ним. Удар должен быть первым — до рассвета.

Совет собрался в самую глухую полночь. Станимир, Добрыня, Зигфрид и Ярош обступили тяжёлый дубовый стол. Снежана вошла бесшумно, скользнула вдоль стены, словно тень. Её не гнали: здесь, где решалась участь города и льда, она оставалась единственной, кто слышал пульс озера.

Зигфрид стоял над картой, прямой и холодный, подобно клинку. Свет свечи дрожал, выхватывая резкие морщины у его рта.

— Герхард не станет гноить людей под стенами, — голос рыцаря звучал ровно. — Осада — это траты, болезни и время, которого у него нет. Он чувствует северную поддержку, даже если видит лишь её тень. Завтра, в крайнем случае — послезавтра, он двинет в обход. Вот здесь.

Его палец, покрытый мозолями и шрамами, прочертил линию по пергаменту.

— Ладожское плоскогорье. Если он выйдет к северному берегу, мы в мешке. Кольцо сожмётся, и озеро из дороги превратится в стену.

— Откуда такая уверенность? — Ярош прищурился, глядя на перебежчика с застарелым недоверием.

— Я восемь лет дышал с ним одним воздухом и два года смотрел, как его воля ломает чужие хребты. Это не гадание, пятидесятник. Это знание зверя, изучившего повадки вожака.

Ярош скупо кивнул, признавая правоту.

— Значит, ударим первыми, — Станимир положил ладонь на эфес. — Пока он не снялся с места.

В горнице повисла тишина, нарушаемая лишь сухим треском фитиля.

— Ночная вылазка, — продолжал воевода. — До рассвета. Ударим во фланг, когда лагерь будет в самом сонном забытии. Орден не привык воевать во тьме — их кодекс велит стяжать славу при свете дня. Мы лишим их этой роскоши.

— Безумие, — выдохнул Ярош, но в его глазах уже разгорался азарт охотника.

— Или единственный шанс выгрызть победу, — отрезал Станимир. — Если дадим им разделиться, нас не хватит на два фронта. А так — они всё ещё в одной куче, неповоротливые и уверенные в своей силе.

Добрыня ткнул пальцем в синее пятно на карте.

— Вести три сотни по льду в крошечной тьме... Риск велик. Ночью лёд дышит иначе, обманывает.

— Снежана поведёт, — Станимир посмотрел на девушку.

Все взгляды скрестились на ней. Снежана не отвела глаз от карты, её пальцы едва заметно перебирали край тулупа.

— Ночью мой Дар зорче, — тихо, но твёрдо произнесла

она. — Тьма глазам мешает, а ногам — нет. Я слышу живую воду под панцирем. Я поведёт отряд.

Зигфрид долго смотрел на неё с глубоким узнаванием. В его землях таких называли ведьмами, здесь — спасительницами, но суть была одна: сила, стоящая за гранью устава и веры.

— Сколько берём? — Добрыня уже прикидывал снаряжение.

— Три сотни. Всех, кто может держать копьё и не хрипит от ран. На стенах оставим двадцать человек — пусть жгут костры для видимости. Выходим в четвёртом часу, чтобы занять позиции до смены стражи.

Позже, когда в горнице остался лишь запах воска и холод, тянущий из раскрытой двери, явился Творимир. Волхв возник из угла так внезапно, что Станимир невольно вздрогнул. Старик подошёл к столу, глядя на карту пустыми, как зимнее небо, глазами.

— Что видишь? — спросил воевода.

Творимир долго молчал, подбирая слова, будто драгоценные камни из груды щебня.

— Буян... я слышал его после сечи. Он стоял у стены, думал, что один в сумерках.

Станимир замер, ожидая продолжения.

— Он шептал слова, — волхв запнулся. — Те, что говорят, когда уходят за кромку. Навсегда.

— С кем он прощался? — голос Станимира упал до шё-

пота.

— Не знаю. Но воздух вокруг него был тяжёл, подобно могильной плите.

Свеча захлебнулась в воске и погасла. Творимир исчез незаметно — лишь половица скрипнула под его невесомой поступью.

Станимир остался в темноте. Мысли теснились в голове: о Буяне, чей дар он цедил по капле, точно боясь расплескать остатки жизни; о «медвежьем пределе», о котором Добрыня поминал вполголоса. Прощался...

Он вышел на крыльцо. Февральский воздух обжёт лёгкие. Над Ладогой рассыпались колючие звёзды. Озеро за стенами молчало, затаив под метровым панцирем колоссальную, дремлющую мощь.

Четыре часа. Нужно урвать хоть малый сон.

Проходя мимо двери Буяна, Станимир остановился. Прислушался. За дверью царила мертвая, неестественная тишина.

«Завтра. Сначала бой, потом — по душам», — решил он.

Воевода лёг, не раздеваясь. В темноте перед глазамиплыли цепочки следов в тумане, Снежана, идущая впереди всех, и запах гари, который пока затаился, не подавая знака.

ГЛАВА 7: «ДО РАССВЕТА»

В четвёртом часу ночи Снежана вышла на лёд первой. Она не ждала приказа. Просто шагнула во тьму, замерла у самой кромки, выставив левую ногу чуть вперёд, и застыла, превратившись в изваяние. Дар Воды не терпит суеты: он течёт через подошвы, через кончики пальцев, впиваясь в невидимые жилы озера. Снежана слушала. Несколько долгих вдохов — и лёд исповедовался ей, открывая шрамы и слабые места: здесь монолит, там предательская майна, прикрытая пухляком, а левее бьёт донный родник, куда ступать смертельно опасно.

Она обернулась к Станимиру и едва заметно качнула подбородком. Пора.

Три сотни теней потянулись по зеркальной глади цепочкой. Шли след в след, ладонь на плече впереди идущего, в абсолютной, звенящей тишине. Станимир вбивал это правило в каждого ещё в детинце: лёд — не земля, это натянутая над бездной кожа. Он множит звуки, неся лязг сорвавшегося с пряжки кольца на сотни шагов вокруг. Шаг мягкий, перекатом с пятки на носок. Дыхание — сквозь сжатые зубы, чтобы пар не выдал их раньше времени.

Три сотни мужчин молчали по-разному. Ветераны затаились, слившись с ночью. Молодые ладожане из ополчения шли, окаменев спинами; Станимир видел по их напря-

жённным загривам, как трудно даётся им эта искусственная немота. Но они учились. Смерть — лучший наставник.

Снежана скользила впереди, воевода держался в пяти шагах за ней. Ночь выдалась выморочной, прозрачной; звёзды висели так низко, что казались остриями копий. Луна давно скрылась, оставив мир во власти густой, осязаемой тьмы. Справа чёрной стеной стоял берег, слева расстилалась ледяная пустыня, фосфоресцирующая под небесным огнём.

Орденский лагерь на западном берегу выдавал себя кострами — рыжими язвами на теле ночи. Станимир насчитал шесть огней. Значит, Герхард не ждёт беды. Рыцари грелись, кони были стреножены, дозоры ходили по кругу, сонные и уверенные в своей безопасности. Устранение часовых лежало на Яроше — его пятёрка теней уже растворилась в прибрежных зарослях.

Они миновали вторую милю, когда тишину вспорол звук. Чистый, тонкий звон металла о лёд. Словно упавшая на наковальню монета.

Цепочка замерла мгновенно. Триста человек превратились в камни. Станимир остановился, не завершив шага, считая удары сердца. Снежана застыла впереди, полуобернувшись.

Орденский дозор был совсем рядом, справа. Воевода слышал скрип кожаных сапог и тяжёлое, размеренное дыхание человека, одуревшего от монотонного обхода. Шаги стихли. Дозорный замер, вглядываясь в серую мглу озера. Десять се-

кунд. Двадцать.

Мороз треснул в стволе дальней сосны, выдав сухой щелчок. Рыцарь, видимо, списал звон на игру холода или движение ледяных плит. Шаги возобновились, удаляясь к лагерью. Дружина выдохнула, не разжимая губ, и двинулась дальше. Позже выяснилось: Феофан, совсем ещё юный парень, выронил из-за пазухи латунный оберег. Цепочка лопнула. Он прижал безделушку к груди так сильно, что побледнел, а Ярош лишь мазнул по нему взглядом — в этом прищуре не было злобы, лишь горькая память о собственных первых страхах.

Снежана подняла руку. Стоп. Она указала на невысокий уступ, за которым дрожали отсветы четырёх костров.

— Здесь лёд надёжен, — прошептала она на самое ухо Станимиру. — Выходите по камням, там не оскользнётесь.

— Ты назад, — так же тихо приказал он.

Она посмотрела на него в упор. Пряди волос под меховой опушкой казались единственным источником света в этой тени.

— Я знаю дорогу. Если сталь не сдюжит — я буду у кромки. По льду вы уйдёте только за мной.

— Снежана...

— Ладога — мой дом, воевода, — перебила она с мягкой непоколебимостью. — Иди.

Он кивнул, коротко и жёстко. Атака началась без единого выкрика. Станимир трижды ударил кулаком по плечу со-

седа — сигнал пошёл по цепи пульсом. Это был не свист и не крик, который рыцарь опознает мгновенно. Стук — это случайность. Лёд, ветка, зверь. Три сотни теней выросли из морока и обрушились на огни.

Орденские рыцари сидели у костров без лат. Зигфрид не лгал: кодекс чести для них был кандалами. Они не верили в ночную подлость, считая войну делом светлого дня. В стёганных гамбезонах, с мечами под рукой, но без железного панциря, они были лишь плотью. Надеть полный доспех — дело десяти минут при помощи слуг. У них не было и десяти секунд.

Первое мгновение было страшным в своей бесшумности. Дружинники ворвались в круг света, работая топорами и кинжалами. Часовой у ближайшего костра успел лишь обернуться, когда Ярош всадил ему нож в подбородок, снизу вверх, в кость. Другой рукой старый воин подхватил тело, не давая доспеху лязгнуть о землю.

А потом лагерь взорвался. Бой у костров — это ослепляющая, кровавая неразбериха. Огонь бьёт в глаза тем, кто сидит у пламени, превращая темноту за кругом в непроглядную бездну, откуда вылетает смерть. Станимир рубил, ориентируясь на блеск орденских крестов на поддоспешниках. На левом запястье каждого ладожанина была повязана белая тряпица — единственная метка, позволявшая не вскрыть горло своему в этой свалке.

— *Latas! Ad arma!* — взревел кто-то в глубине лагеря.

Рыцари не бежали — они метались, ошеломлённые. Опытный воин в такой миг тянется к мечу, забыв о щите, или пытается выкрикнуть приказ, когда нужно просто перекачаться в тень. Эта секунда замешательства стоила им жизни. Станимир прорубался сквозь строй, отмечая детали. Один из командиров — высокий, в кольчужной рубахе, накинутой в спешке, — уже собирал вокруг себя ядро сопротивления. Он орал команды, пытаясь выстроить стену щитов. Умный пёс. Станимир запомнил его волевой подбородок и холодные глаза.

— Оттягиваемся! — зычно крикнул воевода на родном наречии. — К воде! Левый край, держи!

Дружина начала планомерный отход. Это было сложнее, чем ломиться вперёд: нужно было пятиться, огрызаясь короткими выпадами, не давая врагу набрать инерцию для преследования. Ярош со своей пятёркой врос в землю на фланге, перекрывая капитану путь для обхода.

Орденский арьергард уже опомнился. Латники, успевшие набросить нагрудники и шлемы, давили со всей мощностью своей выучки. Сталь начала смыкаться. Именно тогда Буян встал поперёк тропы. Он не произнёс ни слова до этого мига. Просто остановился, развернув свои неимоверные плечи навстречу надвигающемуся клину Ордена.

— Уходите, — бросил он через плечо. Спокойно, будто говорил о погоде. — Я подержу их.

Станимир затормозил, едва не столкнувшись с ним.

— Буян, назад!

— Иди, — повторил великан, не оборачиваясь. — Я так решил.

В его голосе не было надрыва — лишь холодная тяжесть окончательного выбора. Станимир стиснул зубы. Плана «Б» не существовало. Орден смыкал ряды, и через три минуты путь к озеру был бы залит кровью всей дружины.

— Десять минут, — Станимир схватил Буяна за локоть, чувствуя под пальцами твёрдость камня. — Десять минут, и уходишь. Это приказ.

— Слышу, — коротко отозвался тот.

Воевода развернул людей к берегу. Это было горше всего — оставлять Буяна одного против железной лавины. Уходить, не оборачиваясь, зная, что если оглянешься — вернёшься, и тогда лягут все.

Сзади, через несколько ударов сердца, раздался грохот. Такой звук издаёт рухнувшая скала. Крики на чужом языке, лязг, хруст — и внезапная, давящая тишина, которая была страшнее любого вопля. Они вышли к кромке. Снежана стояла у самого льда, её глаза лихорадочно пересчитывали выходящих из тьмы воинов.

— Все? — выдохнула она, когда Станимир поравнялся с ней.

— Нет, — отрывисто бросил он, всматриваясь в темноту берега.

Она всё поняла по его лицу.

Буян явился на четырнадцатой минуте. Когда Станимир уже готов был развернуть отряд назад. Великан вышел из тени той же размеренной походкой, которой ходил за плугом, — только левая рука его висела плетью в окровавленном лоскуте ткани, а правая щека была рассечена до самой кости. Он улыбался. Странной, чистой улыбкой человека, который познал свою истинную меру.

— Живой, — выдохнул Станимир, делая шаг навстречу.

Буян остановился, тяжело дыша. На снег из-под его перевязи капало густое, чёрное в свете звёзд.

— Работу сделал, — прохрипел он.

Станимир смотрел на него, и в этот миг ноздри щекотно мазнул запах горелого. Едва уловимый, как дым от далёкого пожарища. Смерть прошла по касательной, облизала Буяна своим жарким языком, но отступила. Пока отступила. Воевода не стал тратить слова на благодарность — Буяну она была не нужна. Он обернулся к Снежане.

— Веди. Домой.

— Веду, — отозвалась она, вновь становясь во главе цепочки.

Они считали павших на рассвете. Двенадцать душ ушло в ту ночь. Пятнадцать раненых стонали в клетки детинца, из них трое — в предсмертной лихорадке. Орден не досчитался тридцати двух братьев и кнехтов, но Зигфрид позже обронил: цифра лукавая. Многие испустили дух уже к утру,

захлебнувшись кровью в промёрзших палатках. Арифметика войны оказалась милосерднее вчерашней. Не доброй, но лучшей из возможных.

Станимир называл павших по именам. Голос его, хриплый от ночного крика и ледяного воздуха, мерно бился о бревенчатые стены.

Меркул. Совсем мальчишка, из ладожских рыбарей. Он споткнулся в темноте о тушу павшего орденового коня, и всадник настиг его милосердным ударом. Отец Меркула стоял тут же, в строю, каменея лицом, и слушал имя сына, будто приговор.

Онфим. Старый пёс, ветеран десятка сеч. Он принял сталь, предназначенную другому. Ярош поминал, что дома у него остались трое по лавкам и вдова, чей хлеб на всю улицу пах хмелем и уютом.

Захар. Двадцать шесть лет. Станный парень, что по ночам задирает голову к звёздам и шептал что-то, вёл счёт небесному воинству. Он встал между рыцарским копьём и безусым ополченцем.

Двенадцать имён. Станимир выдохнул последнее, и над выжившими повисла тяжёлая, пропитанная мокрым снегом тишина.

Герхард прислал парламентёра, когда солнце едва оторвалось от горизонта, окрасив наст в цвет разбавленного вина. Белый флаг. Переговоры на нейтральной полосе, без доспехов и стали — старый орденский обычай, пропитанный ядом

вежливости. Станимир вышел не таясь.

Они сошлись на открытом поле, где снег девственно сверкал, не тронутый подковами. За спиной воеводы замерли Зигфрид и Добрыня. Герхард явился с двумя рыцарями. Те были в полных латах, но с демонстративно пустыми руками — жест силы, скрытый под личиной доверия. Магистр приехал верхом на сером дестриэ. Спешился плавно, без старческой натуги. При дневном свете Станимир разглядел его во всей пугающей ясности.

Это был красивый старик. Лицо, высеченное из кости, лишённое лишней плоти. Белые, по-военному коротко стриженные волосы. На горле — старый рваный шрам, белеющий на обветренной коже. Осанка магистра не была напускной: он не держал спину, он просто не умел её гнуть. Герхард изучал Станимира с тем же ледяным любопытством, что и в Вороньей Горе. Но теперь в его взгляде проступило признание. Ночную атаку он не ждал. Ему пришлось перекраивать карту в своей голове.

— Ты знатно рубишься, — голос Герхарда из-за шрама звучал надтреснуто, точно треск сушняка. — Ночная атака... Грязное нарушение кодекса. Но — расчетливое.

— Кодексы пишут для тех, кто согласен умирать по правилам, — Станимир не отвёл взгляда. — Я к ним не отношусь.

— Ошибаешься. Это значит, что ты готов лить кровь без оглядки на небо.

— Это значит, что я сделаю всё, чтобы мой дом не стал вашим погостом.

Наступило молчание — короткое, деловое, как затишье перед сменой караула.

— Твоя дерзость не изменит итога, — Герхард говорил это не как угрозу, а как непреложный закон. — У тебя крепкие люди и острый ум. Ты чуешь лес и тьму. Но у меня больше железа, больше дисциплины, а за спиной — сила, которую не удержишь плотиной из тел. Это арифметика, малый. Ничего личного.

— Арифметика меняется в апреле, — негромко проронил Станимир.

Взгляд Герхарда мгновенно сузился, став острым, как жало стилета. Он не вздрогнул, но Станимир почувствовал, как шестерни в голове старика на мгновение заклинило.

— Апрель? — магистр перекатал слово на языке, пробуя на вкус горькое лекарство.

— Апрель, — подтвердил Станимир и замолчал.

Герхард медленно повернул голову к озеру. Оно лежало за их спинами — бескрайнее, ослепительно-белое, придавленное тяжёлым небом. Он смотрел на лёд несколько секунд, будто читал на нём невидимые знаки. Затем снова взглянул на воеводу.

— Подумай о своих людях. Они достойны лучшего, чем сгинуть в неизвестности, проиграв заведомо проигранную войну.

— Я думаю о них каждую секунду. Именно поэтому мы всё ещё здесь.

Герхард кивнул, принимая вызов. Он развернул коня и поехал прочь, не оборачиваясь.

Пока длился этот разговор, Снежана ушла на лёд. Она не просила дозволения. Просто взяла бересту, уголь и ушла, шурша тяжёлыми подошвами по насту. Станимир видел её удаляющуюся фигуру — прямую, как струна. Ладога была её телом, и она обходила свои владения по праву хозяйки. Она вернулась через три часа, когда Станимир у южной стены в сотый раз проверял крепость засек. Снежана подошла молча, разложила бересту прямо на обледенелый выступ.

— Вот здесь, — её палец коснулся точки посреди озерной глади, чуть южнее привычного санного пути. — В апреле здесь будет тонко. Гнилое место.

— Насколько? — Станимир склонился над картой.

— Человек пройдёт. Пеший, осторожный, — она смотрела на чертежи, избегая его глаз. — Но конный рыцарь в полном доспехе — никогда. Лёд лопнет под весом коня, как пересушенная корка.

— Ты уверена?

Снежана подняла голову. В её глазах не было сомнения — лишь холодная, кристальная ясность её Дара. Так смотрят те, кто знает цену жизни и смерти.

— Я уверена в озере. Всегда.

Станимир впился взглядом в точку на карте. Тонкое ме-

сто. Если загнать туда железную фалангу Герхарда... Контуры будущего сражения начали проступать сквозь туман.

— Снежана, — он коснулся её плеча. — Сможешь провести сотни людей так, чтобы они зажали это место с двух сторон, не провалившись?

Она замерла, просчитывая маршруты.

— Смогу. Но мне нужно знать, как пойдёт Орден. Если я выберу тропу первой — они пойдут следом, считая её надежной.

— Хорошо. Помни это место. До последней трещины помни.

— Я помню его три зимы, Станимир.

Зигфрид пришёл в сумерках. Он просочился через купеческие склады, используя лаз, известный только Снежане. Появился взмыленный, с вестями, от которых в комнате стало тесно. Они заперлись в каморке: Станимир, Зигфрид, Снежана и Добрыня. Бывший рыцарь заговорил сразу, не раздеваясь:

— Герхард принял гонца. Из степного лагеря. Характерная сбруя, лошадь низкорослая, выносливая. Я видел таких в Пскове.

— Орда? — коротко бросил Станимир.

— Она самая. Степняки предлагают сделку: они не ударят Ордену в тыл, пока те утюжат север. Взамен — вольный торговый путь через Ладогу. Герхард пока молчит, но он не безумец, чтобы воевать на два фронта. Он согласится.

— Если откажет — у нас есть фора, — Добрыня потер подбородок.

— Если согласится — у нас два месяца, — отрезал Зигфрид. — К маю он соберет все силы и раздавит вас, зная, что восток прикрыт.

Тишина в комнате стала осязаемой. Снежана медленно положила ладонь на карту. Её палец накрыл ту самую точку посреди озера.

— Это меняет дело, — шепнула она.

— Да.

— Два месяца — это конец апреля, — продолжала Снежана, и её голос окреп. — Конец апреля — последняя неделя, когда лёд ещё кажется дорогой. И первая, когда он становится плахой для конницы.

— Именно, — Станимир выпрямился. — Герхард рассчитывает на твердь. Он видел мартовское озеро в Пскове и поверил ему. Он думает, что успеет.

— А мы сделаем так, чтобы он опоздал на неделю, — Добрыня хмыкнул, и в его глазах блеснул недобрый огонь.

Станимир обвёл взглядом присутствующих.

— Два месяца. Нам нужно знать наверняка, ударят ли они по рукам со степью.

— Я узнаю, — вызвался Зигфрид.

— Как? — Добрыня подозрительно прищурился.

— Официально я ещё не изгой. Просто отстал от обоза, лечил коня, искал своих. Пара дней в орденском лагере, пара

нужных ушей у костра — и я услышу правду.

— Это петля на шею, Зигфрид.

— Знаю, — рыцарь коротко кивнул. — Но это моя петля.

Он исчез так же внезапно, как и появился, растворившись в морозном мареве. Станимир остался стоять у карты, чувствуя, как глубоко внутри начинает ворочаться запах гари — пока далёкий, но неумолимый.

Добрыня пришёл в самую глухую пору, когда мороз вгрызался в брёвна с яростным треском. Станимир не спал. Он лежал в вязкой темноте, и перед глазами настойчиво всплывала карта: белое поле, коварная точка посередине и апрельский лёд. Вспоминался Герхард с его сухим, математическим взглядом. Снежана, чей Дар пророс в само озеро. И Буян — который в одиночку выгрыз у смерти четырнадцать минут для всей дружины.

Тяжёлые, припадающие на пятку шаги в коридоре Станимир узнал бы из тысячи. Добрыня не стал колотить в дверь, лишь едва ощутимо коснулся притолоки.

— Войди, — негромко отозвался Станимир, приподнимаясь.

Силуэт Добрыни заполнил проём, отсекая отсвет светильника. Он замер у стены — грузный, широкий в кости, источающий запах овчины. Даже в сумраке Станимир чувствовал его взгляд — виноватый и тягостный. Старый воевода медлил, тщательно выбирая слова.

— Должен я тебе открыться про Буяна, — выдохнул он.

Голос звучал глухо. — Про Дар его медвежий. Знать тебе надобно, с какой силой рядом ходишь.

Станимир замер.

— Мощь эта... она не из колодца черпается, у неё дно есть. Если предел перешагнуть, назад дороги нет. Человек проваливается в берсерка и больше не возвращается. Никогда. Лишь на одно мгновение перед самой смертью разум может проясниться, чтобы попрощаться, но это уже не жизнь, а лишь её угасающее эхо. Это не сказки. Я в Пскове видел такого, ещё до того, как латинянам ворота отворили. Дружинник был, гора мяса и ярости. В сече лютой вошёл в предел, полсотни врагов положил, а когда всё затихло — в зверя превратился. Своих не признал, на брата пошёл с пеной у рта. Пришлось завалить копьём в спину. Иначе никак.

В горнице стало зябко.

— Буян об этом знает, — продолжал Добрыня. — Давно знает. Я примечал, как он в заварухах глаза сужает. Считает. Силу свою в треть цедит, нарочно придерживает, чтобы искру последнюю не спалить. Запас бережёт.

— Почему сейчас говоришь? — Станимир сел, свесив ноги с лавки. Холодный пол обжёг ступни.

— Сегодня ночью... когда он один против строя встал, — старик замолчал, подбирая слова. — Я видел его лицо за миг до того, как мы в темноту ушли. Он смотрел на латников не как воин на врага. По-другому. Как человек, который решил: если прижмёт — перейдёт кромку. Сам. Намеренно.

Снаружи мороз в очередной раз бабахнул в стену. Где-то на стене звякнуло железо дозора — жизнь теплилась в осаждённом городе.

— Он мне ни слова не обронил, — глухо произнёс Станимир.

— И не обронит. Буян из тех, кто сначала делает, а потом, если жив останется, отшучивается. Он сам себе судья.

— Добрыня.

— А?

— Спасибо.

Старый воевода скупно кивнул и вышел. Станимир снова откинулся на доски, глядя в пустой потолок. Медвежья сила. Предел, за которым нет человека, а есть лишь вечная, кровавая бойня.

«Прощался», — всплыли в памяти слова волхва Творимира. Не с кем-то из живых, а с самим собой. За стеной Буян спал тяжёлым сном раненого бойца. Завтра он проснётся, будет скалиться сквозь рассечённую щеку, беречь сломанную руку и уверять, что мёд у немцев был недурственен. Станимир уже чувствовал этот вкус — горький, как полынь.

Под маской весельчака Буян прятал нечто настолько тяжёлое, что оно раздавило бы любого другого. Преданность. Однолюб в дружбе и в смерти. Он уже вынес себе приговор.

«Не дам, — забилась в висках одна-единственная мысль. — Не позволю тебе сгореть. Найду способ, выдумаю хитрость, но зверя твоего в клетке удержу».

Это не было уверенностью опытного командира. Это была клятва, брошенная в лицо судьбе. Воевода не знал, какая участь уготована его обещанию. За окном февральские звёзды медленно катились к горизонту, безучастные к людской боли.

ГЛАВА 8: «ЦЕНА ПОБЕДЫ»

Разговор с Буяном Станимир оттягивал до самой полуночи. Не из трусости — день выдался костлявым и жадным. Стычка у южных ворот заставила перекраивать оборону на ходу, лазарет полнился стонами, а Зигфрид приносил вести одну тревожнее другой. Снежана, продрогшая до костей, часами чертила на бумаге изъязвлённый трещинами лик озера. Лишь когда город затих, погрузившись в тревожную дрёму, и последние факелы в детинце начали чадить, Станимир понял: бежать больше некуда.

Буян не спал. Из-под его двери по полу тянулась тонкая, живая нить жёлтого света. Обычно соратник заваливался в сон, едва голова касалась седла или лавки, и спал так беспробудно, что хоть пушки над ухом разряжай. Но сегодня свеча за дверью горела ровно и долго.

Станимир не ударил в доски, а лишь коротко притиснул кулак к притолоке.

— Входи, — донеслось изнутри.

Буян сидел у крохотного, едва дышащего очага. На коленях он баюкал кружку с дымящимся взваром — пахло сушёным шиповником и горькой корой. Перевязанная рука покоилась на бедре неподвижным грузом, а багровая рванина на щеке к ночи распухла, обещая превратить лицо в жуткую маску. Он не шелохнулся, лишь поднял глаза, когда воевода

присел на скамью напротив.

В комнате пахло остывающей золой и старым железом. Буян ждал. В его молчании не было вызова — так ждут скалу, которая рано или поздно должна обрушиться.

— Добрыня открылся мне про предел, — Станимир выложил слова, словно тяжёлые камни на лёд.

Буян даже не моргнул. Спокойствие его казалось не напускным, а окончательным, выморочным.

— Думал, я в неведение живу? — спросил он тихо.

— Думал, ты скажешь сам.

Буян отставил кружку. Пламя свечи отразилось в его зрачках двумя крохотными точками.

— К чему? Чтобы ты в сече приглядывал за мной, как за малым дитятей? Нет, воевода. Ты на этой доске жизни не хранишь, а фигуры двигаешь. Я — твоя ладья. Ресурс. Пользуй, пока стоит.

— Ты мне брат, — голос Станимира дрогнул, в горле встал сухой ком.

Буян посмотрел на него в упор. В этом взгляде не было тепла, лишь голая, содранная до костей правда.

— Именно поэтому я молчал.

Станимир почувствовал, как в груди закипает странная смесь ледяного холода и обжигающего гнева. Он сжал кулаки, ощущая под ногтями въевшуюся за день грязь и чужую кровь.

— Ты должен был сказать раньше.

— Раньше было рано. А теперь — в аккурат. — Буян приложился к кружке, кадык мерно дёрнулся. — Ты видел меня в деле. Добрыня не солгал: медвежья жила рвётся один раз. Если я переступлю черту и зачерпну лишнего — назад дороги нет. Вода вскипела, пар ушёл. Человек кончается, остаётся... другое.

— Если ты не выйдешь из Ража... — Станимир запнулся, глядя на огромные, натруженные руки друга.

— Ты меня прирежешь. Сам. — Буян произнёс это так буднично, будто заказывал мёд в корчме. — Это будет милость, брат. Я видел таких... пустых. В них нет души, только голод и вечная жажда убивать. Это не жизнь, а гниль на корню.

— Я не смогу, — выдохнул Станимир.

Буян усмехнулся, и эта улыбка на изуродованном лице выглядела страшнее любого оскала.

— Сможешь. У тебя нутро такое — делать то, что должно, даже если сердце в ключья. Ты за это себя ненавидишь, я знаю. Но потому ты и воевода, а не свинопас.

Огонь в очаге треснул, выбросив сноп искр.

— Я не помирать собрался, — добавил Буян, и в голосе снова прорезалась прежняя удадь. — Я побеждать иду. Просто знай, где обрыв. На случай, если у меня тормоза откажут. Ты — мой последний зацеп.

— А если не успею подхватить?

— Значит, судьба такая. Но ты попробуешь. Этого доволь-

но.

Станимир долго смотрел на пламя, осознавая простую и страшную истину: вот она, плата за верность. Идти впереди всех, зная, что в случае падения тебя добьёт тот, кого любишь больше жизни. И просить об этом как о высшем благе.

— Ладно, — выговорил Станимир, не соглашаясь, но принимая неизбежное.

Буян довольно крикнул, допил воду и вытер губы здоровой рукой.

— Мёду хочешь? Настоящего, старого. Ещё до осады у купчины приторговал.

— Наливай.

Они сидели у догорающего очага, и разговор потёк о будничном: о наконечниках стрел, о крепости льда, о том, как ловко Снежана обманула орденский дозор. Буян хохотал, подрагивая плечами, и его смех, густой и тёплый, наполнял комнату жизнью, заставляя забыть о смерти, что дышала в затылок. Станимир смотрел на него и вспоминал слова Творимира. Буян прощался. Пил мёд, смеялся над шутками, планировал завтрашний день — и прощался с миром. Намеренно. До конца.

На рассвете арифметика войны окончательно сломалась. Орден получил подкрепление: три отряда тяжёлой конницы, полторы сотни сержантов в блестящем железе — Станимир видел их с башни. Сила Герхарда росла, как снежный ком. Ладога превратилась в капкан. Дерево, на которое они забра-

лись, рубили под корень.

— Выходим в полночь, — отрывисто бросил воевода Добрыне.

— Люди не готовы. Гражданские... пожитки, дети.

— Пусть берут только то, что в руках унесут. Жизнь дороже тряпья. Другого пути нет.

Добрыня лишь кивнул. Лицо его превратилось в маску из глубоких морщин, но вопросов он не задавал.

Полночь накрыла город плотным саваном. Колонна строилась в тишине, нарушаемой лишь всхлипами да приглушённым ругательством десятников. Люди бросали дома, всё, что наживали годами. Кто-то прижимал к груди икону, кто-то — узел с хлебом. Лишнее безжалостно вырывали из рук, шепча: «Живи, дурак, потом наживёшь».

Снежана шла первой. Она вела людей по озеру наискосок, читая ледяную корку, словно открытую книгу. Её путь экономил час — тот самый час, что отделял беженцев от орденских мечей. По краям колонны, ошестинившись рогатинами, шли дружинники. В хвосте, замыкая строй, держался Добрыня с арьергардом.

Орден шёл по пятам. Осторожно, по-волчьи выжидая. Ночная вылазка Станимира поселила в их сердцах холод: они ждали подвоха от каждого сугроба. Этот страх стал единственным щитом беженцев.

Добрыня не давал боя — он «огрызался». Каждый полверсты арьергард вставал железным заслоном, разворачива-

ясь к преследователям. Орденские рыцари, видя сверкание топоров в лунном свете, тормозили, опасаясь засады. Десять минут стояния — и снова бег, снова мучительные полверсты по глубокому снегу.

Это была пытка. Люди задыхались, пар валил из-под шлемов густыми облаками, ноги наливались свинцом.

Сивко шёл в паре шагов от Добрыни. Станимир помнил его ещё новгородским малым. Сивко учил его, тогда ещё мальчишку, чувствовать баланс клинка, ворча: «Меч — это не палка, это жила твоя, Радо». Он был из тех тихих, надёжных людей, что составляют костяк мира.

Свист болта был коротким и злым. Тяжёлое арбалетное железо, предназначенное для пробивания кирас, вошло Сивко точно в спину, между лопаток. Он рухнул молча, без вскрика, просто подломившись в коленях.

Добрыня подхватил его под мышки, пытаясь тащить волоком. Сивко был в сознании — глаза его, широко открытые, ловили холодный свет звёзд. Но ноги не слушались, волочились по насту безжизненными плетями.

Станимир увидел это, будучи уже далеко впереди. Сердце ёкнуло. Он развернул коня, сменяя снег, и поскакал назад, к арьергарду, где уже завязывалась перестрелка. Соскочил с седла на ходу, едва не подвернув ногу, и бросился к раненому.

Сивко лежал на снегу, окрашивая белую крупу густой, стремительно чернеющей кровью. Когда Станимир склонил-

ся над ним, старик приподнял веки.

— Прости... воевода, — прошелестел он. — Не сдюжил... задержал вас.

В этих словах не было страха, только невыносимая, горькая вина за то, что он стал обузой в этот решающий миг.

Станимир схватил его за огрубевшую ладонь. Она была пугающе холодной.

— Сивко, держись. Мы вытащим.

— Иди... — старый воин судорожно вздохнул, и изо рта потекла тонкая струйка крови. — Время... уходите.

Его взгляд на мгновение зацепился за бледный диск луны, а затем медленно, словно гаснущая свеча, подёрнулся пеленой. Сивко выдохнул в последний раз, и пар над его губами растаял.

Запах горелого ударил Станимиру в ноздри за мгновение до этого. Знакомый, удушливый аромат неизбежности. Он опоздал. Внутри что-то надломилось. Каждая смерть была как первая — рваная рана, которую не зашить.

— Поднять его! — Станимир выпрямился, и голос его зазвенел, словно сталь о сталь. — Несём с собой. Сивко своих на льду не оставляет.

Тело подхватили четверо дружинников. Орден уже накапывал серой волной, рыцари кричали, почуяв заминку. Добрыня разворачивал заслон, вскидывая щит.

Они успели. Колонна качнулась и снова потекла в темноту озера, унося с собой и живых, и тех, кто уже никогда не

увидит апреля.

В трёх верстах от Ладоги ельник стоял стеной — угрюмый, заваленный пухлым, нетронутым снегом. Здесь, в затишье, где колючие лапы гасили ветер, отряд встал на ночлег.

Станимир вёл счёт в уме, и каждое имя отзывалось тупой, ноющей болью в висках. Семнадцать убитых за три дня. Митяй, Меркул, Онфим, Захар, Светлан, Сивко... Ещё одиннадцать имён, которые воевода поклялся не вытравливать из памяти, даже если разум будет молить о забвении. Тридцать раненых. Шестеро до утра могли не дотянуть: их дыхание клокотало, захлёбываясь кровью в пробитых лёгких. Остальные — живы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.